

Эмма Скотт

*Частица
твоего
сердца*

18+

Ради тебя я готов был истечь кровью.
Но ты смогла спасти меня...

Эмма Скотт

Частица твоего сердца

**Серия «Freedom. Романтическая
проза ЭММЫ СКОТТ»**

Серия «Потерянные души», книга 3

*indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67988546*

*Эксмо;
ISBN 978-5-04-173967-6*

Аннотация

РОНАН

С детства я не знал хорошей жизни. Мне было восемь, когда родители погибли. Хотелось поставить на прошлом крест, но оно прочно въелось в мою ДНК.

Мир вокруг напоминал ад: десять лет в приемных семьях, насилие, драки, ярость. Ночи, полные кошмаров и боли.

Дядя Нельсон объявился и сразу взял меня под крыло. Он хотел, чтобы я ремонтировал для него ветхие здания в Санта-Крузе.

Я же мечтал о настоящей семье и нормальной жизни. Но по-прежнему оставался совсем один. Никому не нужный, сломленный.

Что я мог дать Шайло? Кроме кусочка своего истерзанного сердца? Ей нельзя было любить меня.

Все, что мне оставалось, – обуздать свой гнев, сочащийся из ран. И свести счеты с прошлым, что вот-вот грозило меня уничтожить.

ШАЙЛО

Ум, амбиции и творчество – мои лекарства. Я привыкла проводить дни и ночи за ювелирным делом. И надеялась добиться признания. Мне так нравилось создавать для себя новый мир. Да и как иначе выжить, если собственная мать ненавидит тебя?

Я хотела дарить людям роскошь и шик. Но сама давно потонула в собственном мраке.

Кем была я, кто был мой отец – все это оставалось тайной. В груди зияла огромная пропасть.

Когда появился Ронан, я поняла, чего действительно хочу. Целиком и полностью принадлежать ему. Невзирая на то, что нас так разделяло.

Но сгорая в этом пламени, я не должна была позволить себе отдаться в плен любви.

Ведь единственный способ обрести силу – держать свое сердце закрытым...

Содержание

Плейлист	7
Предупреждение	8
Посвящение	9
Часть I	10
Пролог	12
Глава 1	20
Глава 2	39
Глава 3	67
Глава 4	95
Глава 5	121
Глава 6	143
Глава 7	165
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Эмма Скотт

Потерянные души.

Частица твоего сердца

Emma Scott

THE LAST PIECE OF HIS HEART

Copyright © 2021 by Emma Scott

© Каштанова Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Плейлист

Everybody Knows // Concrete Blonde (вступление)

Roots // Imagine Dragons

Young, Gifted, and Black // Nina Simone

The Most Beautiful Girl in the World // Prince

Hunger // Florence + the Machine

Let Me Blow Ya Mind // Eve (feat. Gwen Stefani)

Black Hole Sun // Soundgarden

Liggi // Ritviz

Heathens // Twenty-One Pilots

Physical // Dua Lipa

Umbrella // Rihanna (feat. Jay-Z)

She Will Be Loved // Maroon 5

Skin and Bones // Cage the Elephant

Lightning Crashes // Live

Blinding Lights // The Weeknd (окончание)

Предупреждение

Пожалуйста, обратите внимание, что эта книга содержит упоминание тем, которые могут задеть чувства некоторых наиболее впечатлительных читателей: о сексуальном и домашнем насилии, а также причинении телесных повреждений. Искренне надеюсь, что я затронула эти проблемы, как и подобает, с осторожностью. Предназначена для читателей 18 лет и старше.

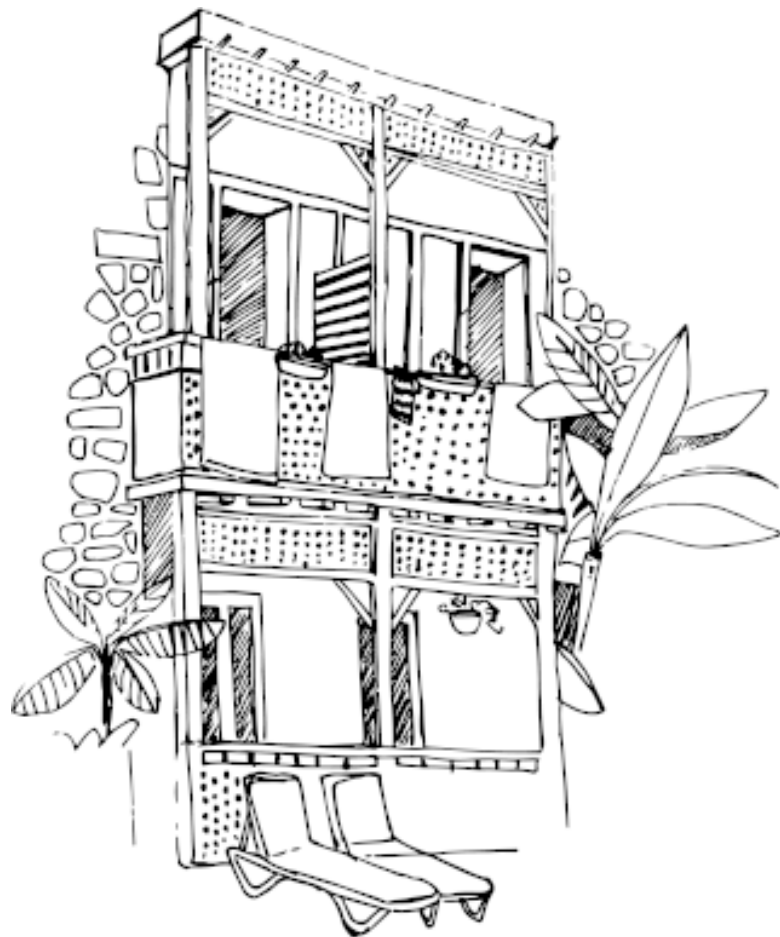

Посвящение

Моим читателям. Вы впустили Потерянные души в свои сердца и сберегли их.

С любовью.

Часть I

Пролог

Ронан

– Назовите ваше полное имя для протокола.

– Ронан Август Венц.

– Возраст?

– Девятнадцать лет.

– Вы знаете, почему оказались здесь сегодня вечером, Ронан?

«Потому что это конец пути».

Детективы ждали ответа. Один выглядел низким и туч-

ным, на нагрудном значке его значилось «Ковальски». Харрис был выше, с усами. Я сложил руки на груди и холодно взглянул на них, притворяясь, что комната для допросов с белыми стенами вовсе, черт возьми, не подавляла меня. На столе, возле толстой папки с моим именем, стояли пластиковые стаканчики с черным кофе. Висящая в углу камера уставилась на нас черным глазом. Все происходящее здесь записывалось.

Я упорно молчал, и детективы обменялись взглядами. Затем Харрис поднялся на ноги и встал за спиной коротышки Ковальски.

— Где вы были тридцатого июля около одиннадцати вечера?

— У себя в квартире.

— Что вы делали?

— Смотрел телевизор.

— С вами был кто-то еще?

— Нет.

Он кивнул на мои сбитые костяшки пальцев.

— Как это случилось?

— Не помню.

Дерьмовый ответ, но правда была не намного лучше.

Ковальски хмыкнул.

— Вы не помните?

— Разве вы можете спрашивать меня об этом без адвоката?

— А вам нужен адвокат, Ронан?

– Мы просто беседуем, – вмешался Харрис. – Ваши руки изрядно пострадали. – Он взял со стола мою папку. – Многие из тех, кто находился рядом с вами, мистер Венц, вдруг оказываются «поврежденными». Верно? Начиная с вашей матери.

Я напрягся и попытался собраться с духом.

– На мой взгляд, вы выросли в семье, где царит насилие, – небрежно продолжил детектив, бегло просматривая историю моей жизни: отчеты о поведении, полицейские доклады и заметки социальных работников за десять лет, что я провел в приемных семьях на условиях патронатного воспитания¹. – Здесь говорится, что, когда вам было восемь лет, ваш отец до смерти забил вашу мать бейсбольной битой.

Внутренне я ощутил, будто он пнул меня в живот. Но даже не подал вида, лишь кивнул.

– Он умер в тюрьме после драки на ножах с другим заключенным?

– Он получил что заслужил.

Неверный ответ.

Полицейские подняли брови. И обменялись очередным понимающим взглядом, в котором явно читалось: «Вот это уже кое-что».

– Вы ведь видели, правда? Как отец убил вашу маму?

Я вздрогнул, когда из могилы тут же попытались выбрать-

---

¹ Патронатное воспитание – одна из форм опеки над детьми, проживание у приемных родителей без юридического усыновления или удочерения.

ся кровавые воспоминания. Они не умрут, как бы глубоко я их ни похоронил.

– Подобное зрелище неизбежно влияет на ребенка, – непреклонно заявил Харрис. – Это разозлило вас, Ронан?

– Настолько, чтобы выйти из себя?

– Говорят, что подобное насилие проистекает из семьи.

– Заложено в ДНК.

– Каков отец, таков и сын.

Последние слова повисли между нами, вытягивая кислород из воздуха. Мой худший страх высказали вслух. Я поерзал на стуле и промолчал.

– Вернемся к нашему делу, – наконец сказал Ковальски и повернулся, чтобы заглянуть в папку. – Здесь говорится, что в первый же день в Центральной старшей школе вы сломали нос Фрэнки Дауду.

– Он доставал моего друга.

– Значит, вы без предисловий ударили его по лицу?

– Миллер мог умереть, черт возьми.

– Миллер Стрэттон? – прочитал в отчете полицейский. – Во время инцидента он не был вашим другом. Вы ведь не знали его прежде, верно?

«А теперь он мой друг, придурок».

Я бы умер за Миллера Стрэттона. За Холдена Пэриша.

За Шайло...

В груди болезненно заныло. Ковальски стукнул по столу, чтобы вывести меня из задумчивости.

– Кажется, вы заслужили репутацию человека, склонного к беспричинному насилию. Верно?

Я напрягся, но промолчал.

«Я пытался. Старался поступать лучше. Стать лучше...»

– Давайте прогуляемся по тропе воспоминаний. – Харрис снова сверился с папкой. – За год в Центральной старшей школе вас отстраняли от занятий по меньшей мере шесть раз. Вандализм, нападение... Два месяца назад вы повздорились с отчимом Миллера Стрэттона. Подвесили его над балконом двухэтажного дома.

Я стиснул зубы. Я никого не подвешивал. Просто перегнул убудка Чета Хайленда через ограждение, чтоб отпугнуть от матери Миллера. И это сработало. Но что толку? Этих придурков не интересовала правда, ведь она не укладывалась в уже написанную обо мне историю. Кровью матери. И отца. В моих жилах текла его кровь.

Каков отец, таков и сын.

– Что скажете?

– Чет ему не отчим, – пробормотал я. – Он всего лишь бездельник, ударивший маму Миллера. Но вам ведь плевать на это.

Полицейские переглянулись.

– У вас проблемы с полицией?

На свободу вырвалось старое воспоминание. Сломленная, истекающая кровью мама пыталась забиться в угол, а отец

стоял над ней с битой в руке...

«Ты подвел маму, и теперь она мертва», – подумал я. Но к кому я обращался? К полицейским или к самому себе? Они подвели ее, и я тоже. Я не смог ее защитить.

Как не сумел уберечь и Шайло.

Вина, гнев и горе, словно три обезьяны, сидевшие у меня на спине, пронзительно вскрикнули и завyli.

Ковальски одарил меня тяжелым взглядом.

– Ответьте на вопрос, сынок.

– Людям нужна помощь, – проговорил я. – Если им не помогаете вы, то вмешиваюсь я.

– Ну, речь ведь не об охране порядка. – Ковальски закатил глаза. – Чем поможет угроза сбросить человека с балкона?

Я усмехнулся.

– Но ведь после этого он оставил ее в покое, верно?

– А как насчет Фрэнки, два дня назад? Тогда вы тоже «помогали»?

– Я его не трогал.

– Вы не видели Франклина Дауда в ночь на тридцатое июля?

Я поерзал на стуле. Между лопаток, будто насекомое, поползла капелька пота.

– Я ничего не скажу.

– Ну же, Венц, – проговорил Харрис. – Не будем все усложнять. Мы ведь знаем, что произошло.

Ковальски принялся загибать пальцы.

– Ваша ссора с Фрэнки Даудом подтверждена документально. В первый же миг, как вы увидели его, сломали ему нос. Пятьдесят свидетелей подтвердят, что девятого сентября прошлого года вы повалили его на пол на вечеринке в загородном доме. А несколько месяцев назад во всеуслышание заявили, что, если он причинит боль тому, кто вам дорог, вы – цитирую: «вытрясете из него все дерьмо».

Харрис скрестил руки на груди.

– Вы ведь имели в виду Шайло Баррера?

– Да, – согласился я. Самый правдивый ответ из всех, что я дал сегодня вечером.

– Фрэнки причинил ей боль, – продолжил Харрис. – И вы просто исполнили свое обещание и смешали его с дерьмом. Безжалостно. Не так ли?

– Я же сказал, что...

– Он в больнице, Ронан, – вмешался Ковальски. – Борется за жизнь.

Харрис кивнул.

– Это называется мотив.

– А вы сидите здесь с распухшими, покрытыми кровоподтеками кулаками. Но на этот раз вы ни при чем. Вы это хотите сказать?

Я вздернул подбородок.

– Именно это я, черт возьми, и говорю.

Харрис тяжело вздохнул.

– Вы просто усложняете себе жизнь, Венц. В этом деле

все просто и понятно. Признайтесь, и, может, вам смягчат приговор. Конечно, если ваша жертва выживет.

Я сжал под столом ноющие руки в кулаки. Я имел право на адвоката. И на телефонный звонок. Но что это даст? Я считался виновным еще до того, как они усадили меня на стул.

Харрис склонил голову набок.

– Хотите знать, что я думаю, Ронан?

Я и так знал, о чем он думал.

Конец пути.

Каков отец, таков и сын.

«Прости, Шайло. Я пытался...»

Детектив склонился надо мной, голос его звучал холодно и непреклонно. Словно захлопнувшаяся дверь.

– Думаю, вы отправитесь в тюрьму на очень долгий срок.

Глава 1

Шайло

Год назад...

– Пора отправляться, – проговорила я, втаскивая чемодан на колесиках в роскошную гостиную в доме тети и дяди. – Мне нужно успеть на самолет.

Я терпеть не могла говорить об очевидном. Однако, если я не объявлю о своем отъезде, сидящая в кухне мама спо-

собна и вовсе его проигнорировать. Может, напоминание о том, что она вновь увидит единственную дочь лишь через год, сломит ее холодность и она подарит мне немного тепла.

Но ничего не вышло.

За окном в разгар летнего утра шумел Новый Орлеан. Расположившись за стоявшим возле окна карточным столиком, мама курила сигарету и решала воскресный кроссворд. Холодная и равнодушная. Она ничуть не изменилась с того момента, как я приехала сюда полтора месяца назад. Впрочем, сколько я себя помнила, так повторялось каждое лето с тех пор, как в четырехлетнем возрасте она оставила меня жить у прабабушки Биби в Калифорнии.

Пухлая тетя Берти, одетая в яркую фиолетовую блузку и брюки в тон, жалобно вздохнула. Она сидела на диване, зажатая между дядей Руди и их двадцатипятилетней дочерью Летишией. На плоском экране транслировался матч «Святых».

– Уже? – проговорила тетя Берти и прищелкнула языком. – Кажется, будто ты только что приехала.

Во время летних визитов я всегда останавливалась в викторианском доме тети и дяди в Гарден-Дистрикт. По-настоящему старом, красивом, богато украшенном во вкусе тети Берти в цвета драгоценных камней с кучей бархатных подушечек с кисточками. Витражное стекло на входной двери отбрасывало на ковер радужные блики.

Я любила этот дом и живущих в нем людей, но променя-

ла бы все это на возможность побыть вместе с мамой в ее маленьком домике на Олд-Приер-стрит в Седьмом районе. Она говорила, что он слишком маленький, но меня это не волновало. Я бы устроилась на диване. Или на полу...

– Моя сладкая, лето пролетело незаметно, – произнесла тетя Берти. – К тому времени как мы увидимся в следующий раз, ты уже закончишь старшую школу. – Она взглянула на мои свободные брюки и обтягивающую белую футболку, оставлявшую открытым живот. – Ты такая красивая, Шайло. И так быстро вырастешь. Правда, Мари?

Не отрывая взгляда от своего кроссворда, мама издала какой-то неопределенный звук.

«Будь сильной, – сказала я себе, подавляя острую боль, что пыталась проникнуть в сердце. – Ты ведь знаешь, что большего и ждать не стоит».

Но глупое сердце по-прежнему пыталось дотянуться до мамы, как бы больно ему при этом ни было.

– Но прежде чем уйти, я хотела бы кое-что подарить всем вам.

Я поставила сумку на журнальный столик и вытащила четыре небольших подарочных пакета, набитых папиросной бумагой.

– Ты такая милая. Но не стоило. – Когда Берти сунула палец в один из пакетов, на губах ее появилась усмешка. – Это, случайно, не оригинальные изделия Шайло Баррера?

Я улыбнулась.

– Возможно.

– Чертовски здорово, – проговорил дядя Руди, отрывая взгляд от футбольного матча. – Рождество наступит раньше.

Я протянула им пакеты, по одному тете, дяде и кузине. Остался лишь один. Для мамы.

Кузина Летишия взволнованно поставила свой на колени. Даже в воскресенье она щеголяла в дизайнерских джинсах, желтых туфлях на каблуках и коротком топе, который подчеркивал подтянутый пресс. Она мастерски уложила косы на голове, несколько из них свисали вниз, обрамляя золотые серьги.

– Мне уже нравится, – произнесла она.

Я рассмеялась.

– Ты даже не знаешь, что там.

– Это сделала ты, так что все прекрасно.

Я с трудом сглотнула и вновь осмелилась взглянуть на маму, неподвижно сидевшую в кухне.

Тетя Берти вытащила из пакета бирюзовую брошь. Я окислила серебряную оправу, чтобы та походила на старинную. Тетя приложила руку к груди.

– Боже мой, детка. Это самая прекрасная вещь, что я когда-либо видела. Но зачем было ждать до последней минуты, чтобы отдать нам эти сокровища?

Я ухмыльнулась.

– Чтобы тебе пришлось притворяться, что она тебе нравится, лишь пока я не выйду за дверь.

– Пф-ф, она великолепна. – Тетя Берти приколола брошь к блузке и протянула руки, чтобы меня обнять. Я склонилась над столом и оказалась в ее мягких, благоухающих духами объятиях. – Ты такая талантливая девушка. Ты откроешь магазин, о котором так мечтаешь. Я нутром это чую.

– Спасибо, тетя, – проговорила я, наслаждаясь ее верой в меня. И любовью, что она дарила с такой легкостью.

– Это просто нечто. – Дядя Руди вертел оловянный брелок с логотипом «Святых» в виде геральдической лилии. – Это сделала ты? погоди, вот ребята увидят. Спасибо тебе, малышка.

От звучащей в его словах гордости я ощутила, как к горлу подступил комок. Чуть улыбнувшись, я кивнула и отвернулась. Было намного проще продавать свои украшения по интернету незнакомым людям, которые не вызывали нежности и неловких эмоций.

– Невероятно, – воскликнула Летишия, доставая из пакета пару сережек; ярко-синий лазурит, обрамленный замысловатым узором из серебряных нитей. Она тут же вытащила из ушей серьги и заменила их моими. – Ты что? Это блестящая работа, Шай. Мама права. Ты пройдешь этот путь до конца.

– Спасибо, Тиш, – проговорила я, обводя пальцами ручки последнего пакета с подарком.

Пока Летишия и Руди мерились и восхищались своими подарками, тетя Берти нежно улыбнулась мне. Но я ощутила

сквозившее в улыбке сожаление.

– Мари, – крикнула она в сторону кухни. – У Шайло для тебя кое-что есть.

Это мама не смогла проигнорировать.

Она поднялась со стула возле кухонного окна и медленно направилась ко мне. В каждом ее движении сквозило нежелание, и у меня защемило сердце.

Красивая и молодая, всего на девятнадцать лет старше меня, Мари Баррера тем не менее была полна печали. Все вокруг твердили, что я – ее точная копия, но благодаря ДНК неизвестного отца кожа моя казалась светлее, и наше сходство не так бросалось в глаза.

– Ну, по крайней мере, хоть это не тайна, – прямо заявил Джален Джексон, мой приятель из Луизианы, сидя прошлым вечером на своей кровати. – Кто-то разбавил сливками кофеек твоей мамы.

Но очевидный факт, что отец мой был белым, не заполнял огромную дыру в моей жизни, оставшуюся в том месте, что предназначалось ему. Он походил на призрака, преследующего семью через меня. Никто не говорил о нем. И меньше всего мама. Из того немногого, что мне удалось узнать за семнадцать лет, я поняла, что оказалась плодом случайной связи на одну ночь. Нежданном и нежеланным. Мари училась на стипендию в университете Луизианы, и до беременности ее ждало блестящее будущее. Теперь же она на полставки работала в банке, а ее мечты о карьере в сфере мар-

кетинга навсегда отошли на второй план. Кем бы ни был мой отец, она вычеркнула его из своей жизни и отказывалась даже упоминать о нем.

Это казалось бессмысленным. Почему мама бросила учебу, имея большую семью, готовую прийти на помощь? Или не отдала меня на удочерение?

«Зачем она вообще меня родила?»

Этого никто не смог бы сказать. Но, несмотря на окружающую отца таинственность, одно не вызывало сомнений: глядя на меня, мама видела его, и ей явно не нравилось это зрелище.

Когда я протянула маме подарочный пакет, ее улыбка вспыхнула, а затем поблекла, словно угасающая лампочка. Она медленно взяла его и нерешительно сунула внутрь руку.

– Что здесь?

– Ничего такого. Просто... безделица.

Мама вытащила чеканный медный браслет, покрытый бирюзовой патиной, и подняла его к свету.

– Мне хотелось, чтобы он походил на нечто, вытщенное с затонувшего корабля, – проговорила я, и мой обычно сильный голос дрогнул. – Я знаю, они всегда тебя очаровывали.

Затаив дыхание, я наблюдала, как мама вертела браслет в руках. Ее карие глаза, так похожие на мои, наполнились слезами, и впервые с тех пор, как я приехала, она по-настоящему посмотрела на меня. А затем, будто бы обжегшись, бросила браслет обратно в пакет.

– Он очень милый. Спасибо.

Несколько раз моргнув, она быстро и холодно обняла меня. Мне хотелось утонуть в ее объятиях, вдыхая запах сигарет и туалетной воды с ароматом жасмина. Но не успела я почувствовать обнимавшие меня руки, как они уже ускользнули.

– Будь умницей. Не ленись. Передай Биби, что мы ее любим.

«А как насчет меня?»

Я резко втянула в себя воздух, словно могла проглотить и эту мысль. Бессмысленно проявлять слабость и просить о том, в чем мне отказали. Я знала, что лучше даже не думать об подобном. Я сильнее всего этого.

– До свидания, мама, – проговорила я.

Но она уже вновь направилась к столу, к своему кроссворду и дымке сигаретного дыма. Пакет с подарком она поставила на пол у своих ног, где он казался маленьким и уже забытым.

– Давай я отвезу тебя, милая, – мягко произнес дядя Рудольф, нарушая гнетущую тишину, что оставила после себя мама.

– Спасибо, дядя Руди, – проговорила я, саркастически усмехнувшись. – Не смею отрывать тебя от очень важного, но бесполезного предсезонного матча «Святых». Я вызову «Убер».

Дядя Руди ухмыльнулся в ответ.

– Все-то ты знаешь, верно?

Тетя Берти фыркнула.

– «Убер»? Ты собираешься сесть в машину к незнакомцу?

Ты же такая красавица!

Сидевшая в кухне мама вздрогнула. Хотя, возможно, причиной тому был лишь холодный воздух из кондиционера.

– Спасибо, тетя Би. Со мной все будет в порядке.

– Глупости. Руди отвезет тебя, и точка.

Дядя подмигнул мне; идеально белые зубы отчетливо сияли на фоне темной кожи.

– Ты слышала босса?

– Да кому вообще нужна ее тощая задница? – Рассмеялась Летишия, помогая мне донести багаж до двери. Она приподняла брови и, понимающе усмехнувшись, наклонилась ко мне ближе. – Ты уже попрощалась с Джаленом?

Я бросила на нее предупреждающий взгляд, призывая говорить тише.

– Прошлым вечером.

Она ухмыльнулась.

– Готова поспорить, ты разобьешь этому мальчику сердце.

– Это невозможно. У нас с ним соглашение, – тихо проговорила я и ощутила, как запылали щеки. Я терпеть не могла разного рода сплетни, а кухня просто не представляла себе без них жизни. – Ни обязательств, ни привязанностей.

– Таков твой девиз.

Я взглянула на маму.

«У меня были отличные учителя».

– Я буду по тебе скучать. – Летишия провела пальцами по тонким косичкам, несколько сотен которых мягко спадали мне на плечи. – В Калифорнии найдется тот, кто сможет повторить мое мастерство?

Летишия, которой не исполнилось еще и тридцати, уже владела собственным салоном красоты под названием «Студия», который располагался на Канал-стрит. Она стала для меня кумиром, подпитывая мои собственные амбиции.

– Без шансов.

– Отлично. Значит, тебе придется вернуться, чтобы повидаться со мной. И с Джаленом.

– Замолчи!

Летишия рассмеялась и в последний раз обняла меня. Дядя Руди шагнул к двери и взял мой чемодан на колесах.

– Пора ехать, милая.

Берти и Летишия помахали мне на прощание, желая счастливого пути и сообщая о своей любви. Они словно окутывали меня ею.

А потом появилась мама, словно порыв холодного воздуха во влажной, опостылевшей августовской жаре Нового Орлеана.

Я вздрогнула и поспешила на улицу.

Мой самолет приземлился в Калифорнии в час дня. Я вызвала «Убер» и спустя какое-то время уже тащила чемодан на колесиках по дорожке к уютному одноэтажному дому. Воздух в Санта-Круз был прохладнее, с привкусом соли. Спускавшиеся со склона горы деревья окаймляли нашу тихую улочку. С одной стороны, двор затенял огромный кипарис, а с другой раскинулся цветник Биби, поражавший буйством красок.

– Дом, – пробормотала я.

Поднявшись по трем ступенькам на крошечное крыльцо, я отперла входную дверь.

– Биби, это я.

– А вот и она, – проговорила восьмидесятилетняя прабабушка, сидя на комковатом, усыпанном подушками диване.

Ее темно-коричневую кожу покрывали морщины, по большей части от смеха, а коротко подстриженные волосы теперь приобрели серебристый оттенок. Несмотря на летнюю жару, она завернулась в вязаный бело-зеленый платок, который смастерила сама. Возле обутых в тапочки ног виднелась желтая пряжа, которая при помощи клацающих в умелых руках спиц скоро превратится в еще одну шаль. Позади Биби, на спинке дивана, растянулись ленивые серые кошки, Люси и Этель.

Я оставила чемодан возле двери и двинулась через гостиную с антикварной мебелью, казавшейся слишком большой

для нашего маленького домика. На всех доступных поверхностях виднелись безделушки или стопки старых книг, которые Биби из-за слабого зрения теперь уже не могла читать. Почти каждый дюйм цветастых обоев покрывали семейные фотографии. Из древней стереосистемы доносился голос Нины Симоне.

– Как все прошло? – спросила Биби. – Надеюсь, лучше, чем в прошлом году.

Я плюхнулась рядом с Биби и положила голову ей на плечо.

– Не знаю, лучше ли. Берти и Руди добры, как всегда. Летишия мне как сестра, которой у меня никогда не было.

– Но?.. – Клацнули спицы Биби.

– Но мама остается прежней.

Бабушка погладила меня по щеке теплой, сухой ладошкой и вздохнула.

– Моя милая девочка. Мне бы хотелось, чтобы между вами все наладилось.

– Я не знаю, почему продолжаю настаивать. – Глаза вдруг зажгло от подступивших слез, но я быстро сморгнула их прочь. Этель запрыгнула мне на колени, и я почесала ее за ухом. – Она не хочет меня видеть. И речь не о жалости к себе. Я говорю как есть.

– Она хочет тебя видеть, милая, – проговорила Биби. – И показывает это единственным известным ей способом.

– Не обращая на меня внимания?

– Попросив тебя приехать. Чтобы провести с тобой время.

– Я бы не сказала, что это принесло ей пользу. Похоже, ей физически больно смотреть на меня. Ну, я понимаю. Я разрушила ее будущее. Но к чему ей так утруждать себя? А мне самой?

– Потому что любовь есть, даже если ее трудно увидеть.

«Ей не стоило меня рожать».

Эта мысль вызвала холодную дрожь в сердце, ведь маму наверняка посещала та же идея. Порой, глядя на нее, я испытывала странно знакомое головокружение, словно когда-то балансировала на лезвии бритвы между жизнью и забвением.

– Не думай об этом, Шайло.

Может, Биби и была практически слепой, но она видела все.

– Ничего не могу с собой поделать, – тихо проговорила я. – Если ей было так тяжело, зачем она меня родила?

Биби на мгновение задумалась.

– Сердце женщины – не просто комната, полная чувств, где варианты выбора четко запечатлены на белых стенах, словно на выставке. Это глубокие катакомбы, на составление карты которых уходит вся наша жизнь. Твоя мама прокладывает свой путь, но медленно и с трудом. Потому что она потерялась.

Я повернулась лицом к бабушке, женщине, которая вырастила меня. Я доверяла ей и любила больше всех на свете.

– Что случилось, Биби?

Она тяжело вздохнула, грудь ее приподнялась под домашним платьем.

– Хотела бы я знать, милая. Но Мари закрылась, чтобы защитить себя. – Она бросила на меня лукавый взгляд. – Со всем как ты.

За семнадцать лет я привыкла к мягким наставлениям Биби о том, что мне нужно открыть сердце другим чувствам. Но, несмотря на всю свою мудрость, она не понимала. Мне стоило тяжелого труда чего-то добиться и доказать, что, подарив мне жизнь, мама сделала правильный выбор.

«Открыть свое сердце – значит впустить в него боль».

– Во время этой поездки ты вновь виделась со своим парнем? – через минуту спросила Биби.

– Джален мне не парень. Мы просто понимаем друг друга.

– Понимаете. Как романтично. – Она нахмурилась, склонившись над вязанием. – Я бы предпочла, чтобы ты приехала домой в слезах, рассказывая о том, как будешь скучать по этому мальчику, и задаваясь вопросом, каким образом тебе прожить все то время, пока вы не увидите вновь.

– Нет уж, спасибо. Я не стану проливать слезы из-за парней.

Мне хватало и пренебрежения мамы. Биби сказала, что сердце женщины напоминает катакомбы. Мое больше походило на разгромленный гостиничный номер, который я пыталась держать закрытым. И я вовсе не собиралась позволять

какому бы то ни было парню вселиться в него и нанести свой урон.

Биби хмыкнула.

– Полагаю, вы были осторожны.

– Конечно.

Во всех смыслах. Мы предохранялись, и, кроме того, я не позволяла Джалену даже думать о том, что у нас может получиться что-то серьезное. Хотя, на этот счет не стоило беспокоиться. Мы с ним знали друг друга много лет. Когда нам исполнилось четырнадцать, наша дружба переросла в связь другого рода. Он являл собой типичный пример парня, с которым можно иметь отношения без обязательств: пылкий, умный, вовсе не настроенный на какие-либо чувства. Как раз такой и был мне нужен.

– Моя Шайло, как всегда, осторожна, – проговорила Биби, не отрываясь от вязания. – Осмотрительна, целеустремленная, амбициозна.

– Ты так говоришь, будто это плохо. И, к слову, если тебе ничего не нужно, я пойду в гараж.

– Уже? Ты только что приехала домой.

– Мне нужно выполнить кое-какие онлайн-заказы.

Она тяжело вздохнула.

– День и ночь за работой. Моя собственная Тиана.

Я усмехнулась. «Принцесса и лягушка» – еще одна любимая тема Биби. Милый диснеевский мультик каким-то образом стал аналогией моей жизни.

– Ну она же получила свой ресторан, верно? – проговорила я.

– И на этом пути также научилась давать место любви.

– Тебе напомнить, что Тиана к тому же на короткое время стала лягушкой? Это ведь сказка. А здесь реальный мир.

Биби фыркнула, не переставая работать спицами.

– Как бы то ни было, мне не нравится мысль о том, что ты будешь целыми днями торчать в этом гараже. Ежедневно. Это вредно для здоровья и должно прекратиться.

– Прекратиться? – У меня упало сердце. Этель ощутила, как я напряглась, и спрыгнула с колен. – Но... мне нужен гараж. Я там работаю. Он...

– Недостаточно хорош для тебя. – Биби улыбнулась про себя. – И поэтому я поместила объявление в газете. Хочу нанять разнорабочего, чтобы построить тебе мастерскую.

– Мастерскую. Где?

– У нас на заднем дворе.

Я моргнула. Если не считать огорода и небольшого патио, наш двор напоминал калифорнийскую версию тропических джунглей.

Биби, по своему обыкновению, прочитала мои мысли.

– Этот человек расчистит заросли и построит небольшой сарай, где ты сможешь работать с паяльниками, химическими полиролями и всем прочим. Я больше не позволю тебе вдыхать все эти пары.

Я откинулась на спинку дивана, уже давая волю вообра-

жению. Мое собственное маленькое пространство с подходящим столом, на который можно установить верстак, вместо старого шаткого карточного столика, что был у меня в гараже. Я могла бы заняться интернет-заказами наряду с созданием вещиц, которые со временем заполняют кирпичный магазин в центре города Санта-Круз. Я всегда об этом мечтала. Когда-нибудь так и будет. И теперь, благодаря этой удивительной женщине, тот день станет немного ближе.

А потом видение исчезло, развеялось, словно мираж.

– Биби, мы не можем себе это позволить.

– Не беспокойся о деньгах. Я подсчитала свои сбережения, и их вполне достаточно. А что мне с ними делать? Путешествовать по миру? Я счастлива и здесь. – Она улыбнулась. – Это будет не дворец, на многое не рассчитывай. Но тебе нужна мастерская, Шайло. Твой невероятный талант проявился уже давно. И пусть я поддразниваю тебя, призывая дать место в жизни чему-то большему, но знаю, насколько важна для тебя работа. Это не просто хобби.

– Нет, – тихо проговорила я. – Это моя жизнь.

Она подняла руку и коснулась моей щеки.

– Я хочу сделать все, что в моих силах, пусть хоть самую малость, чтобы приблизить исполнение твоей мечты. Даже если это означает, что мы будем видеться реже, чем сейчас.

Я обняла Биби за плечи.

– Я не знаю, как тебя отблагодарить. Но я могу помочь с расходами. Заплатить рабочему или за материалы...

– Я тебе запрещаю. Для твоего магазина понадобится каждый доллар. Это мой подарок тебе. И я больше не хочу об этом слышать.

Я крепче обняла ее.

– Спасибо, Биби.

– Всегда пожалуйста, дитя. А теперь иди. Я знаю, ты жаждешь вернуться к работе. Я чувствую, как по твоим жилам струится нетерпение.

Я рассмеялась и поцеловала ее в щеку.

– Я люблю тебя.

– Я люблю тебя, малышка.

Биби послала мне воздушный поцелуй и вернулась к своему вязанию, подпевая Нине Симоне, исполнявшей «Young, Gifted, and Black». На ее обветренном лице играла понимающая, удовлетворенная улыбка.

Я поспешила в гараж, где в ящиках, выстроившихся вдоль стены, хранились мои материалы. Крошечный рабочий столик упирался в древний «Бьюик» Биби, теперь ставший моим. Единственная лампочка давала мало света, но я ненавидела работать с открытой гаражной дверью. Я чувствовала себя уязвимой. Любой, кто вышел погулять с собакой или выбросить мусор, мог наблюдать за моей работой. Уединение заднего двора представлялось просто мечтой. На уровень выше.

«А следующий уровень – мой собственный магазин».

Я надела наушники. Слушая голос Рианны, я подошла

к столу, где лежала моя последняя работа. Перед тем как уехать в Луизиану, я сплела полоски латуни и меди для будущего браслета. Привычно расположившись на табурете, нацепила грубо сработанный браслет на шпиндель и взяла резиновый молоток. Слегка постукивая, я придавала форму металлическим виткам, надетым на цилиндрический стержень, пока наконец браслет не обрел идеально круглую форму и нужный мне размер.

Через несколько минут я закончила вещицу для женщины по имени Кристин из Техаса, которая сделала заказ на моей странице на сайте «Etsy». Этот веб-сайт полностью отвечал моим потребностям, позволяя работать, чтобы скопить кое-какой доход для возможного магазина. Возможно, уже к следующему лету.

«Благодаря Биби».

Меня наполнила любовь к этой женщине, согревая и стирая остатки маминой холодности. Лишь одну только Биби я безоговорочно любила.

Поворачивая на свету новый браслет, я вновь прокручивала в голове ее слова, предупреждение о том, что я стала замкнутой, как мама. Застряла за стеной, которую сама же построила, и в то же время потерялась. Но что еще я могла сделать? Каждый кирпичик, составлявший мамину стену, появился и в моей собственной.

Это был единственный известный мне способ выжить, когда собственная мать меня ненавидела.

Глава 2

Ронан

– Ронан?

Услышав свое имя, я повернулся, окидывая взглядом людей, столпившихся в очереди за багажом. И увидел его, Нельсона Венца. Своего единственного живого родственника.

От бросившегося в глаза сходства сердце заколотилось в груди.

Образ дяди Нельсона вполне соответствовал тому, как мог бы выглядеть мой отец, доживи он до среднего возраста.

та. Пятидесятипятiletний, одетый в старые джинсы, с выпирающим под ветровкой животом. Темные волосы Нельсона почти полностью выпали, а глаза казались невразумительно-серыми и пустыми. Словно у акулы, вернувшейся, чтобы убить. Такими же, как у папы.

И у меня самого.

– Здравствуй, дядя Нельсон.

– Просто Нельсон, – поправил он. – Значит, это ты и есть? – Он оглядел меня с ног до головы, словно быка, выставленного на аукцион, отмечая поношенные джинсы, черную футболку и покрывавшие кожу татуировки. – Кажется, на этой ферме тебе спуска не давали. Хорошо. Моя спина уже не та, что прежде. Так что большую часть тяжестей придется таскать тебе.

Я подтянул потрепанный рюкзак выше на плечо.

– Куда?

– Обсудим это по дороге. – Он указал дряблым подбородком в сторону ленты с багажом. – У тебя есть сумка?

Я кивнул, стараясь не обращать внимания на охватившее меня разочарование.

«Он не устроил приветственный парад в твою честь. Просто смиришься с этим».

Мы напряженно молчали, ожидая, пока в поле зрения появится потертая, чересчур большая спортивная сумка. Я подхватил ее с ленты, и мы направились через раздвижные двери к парковке аэропорта Сан-Хосе.

Когда в марте мне исполнилось восемнадцать, я выпал из-под надзора службы опеки и остался предоставлен сам себе. Чтобы выжить, я перебивался случайными заработками, последний из которых привел меня на молочную ферму в Манитовоке. Но лето закончилось, а с ним и работа. И не позвони мне социальный работник, я остался бы на улице, без крыши над головой. Она сообщила мне, что спустя десять лет дядя наконец-то вышел на связь. Брат моего отца согласился взять меня к себе. Я перееду в Санта-Круз, чтобы жить с кровными родственниками, а не с незнакомцами. Может быть, закончу школу. У меня снова будет семья.

Я взглянул на Нельсона.

«У меня снова есть семья».

Инстинкты, отточенные годами одиночества, когда я никому не мог доверять, предупреждали не торопиться. Я должен быть готов уйти в любой момент. От этого зависит выживание. Но пока я ждал зеленого сигнала светофора, позволил себе передышку и просто вдохнул полной грудью. Другой воздух. И какое-то иное солнце. Возможно, все дело было в детских впечатлениях, но жара Висконсина казалась мне удушающей. А зимы – жестокими. Теперь я оказался в Калифорнии. И мог все начать сначала. И, может быть, оставить позади кровавых призраков прошлого.

Нельсон прокашлялся и сплюнул на тротуар комок мокроты. Несмотря на грузность, телосложением дядя походил на отца. Высокий, со скрывавшимися под жировыми склад-

ками мускулами и большими руками с мозолистыми костяшками, которые сжимались в огромные кулаки...

«Не так-то просто оставить всех призраков в прошлом. Похоже, я собираюсь сесть в машину с одним из них».

Он повел меня прочь от золотого калифорнийского солнца в холод парковки, где стоял поблекший красный пикап «Додж». Я бросил сумку в кузов, где лежал какой-то хлам. Стопка старомодных курток, складные стулья и картонная коробка, в которой виднелись кружки с отбитыми краями, теннисная ракетка и кофеварка.

– Выселение, – пояснил Нельсон, кивнув на коробку. – Не поверишь, какое дерьмо оставляют после себя люди. Погоди, сам увидишь.

Я смахнул с сиденья скомканные салфетки и обертки от фастфуда и сел, положив рюкзак на колени. Я заметил еще кучу оберток на приборной панели, а на полу, возле моих ног, перекатывались пластиковые бутылки из-под «Маунтин Дью».

Нельсон втиснулся за руль, и вскоре аэропорт Сан-Хосе стал походить на маленькую точку в зеркале заднего вида. Извилистая дорога, судя по знаку, именуемая «Семнадцатым шоссе», вела нас сквозь зеленый лес к югу, в Санта-Круз. Со всех сторон вздымались горы, походившие на чудо после равнин Манитовока.

– А ты не слишком разговорчив, верно? – спросил Нельсон через несколько минут.

– Не слишком.

– Мне же лучше. Не люблю, когда кто-то тараторит мне на ухо. – Он окинул меня пристальным взглядом акульих глаз, а потом вновь уставился на дорогу. – Ты похож на него. На Рассела. На маму не очень.

– Я знаю, – сжав челюсти, процедил я.

– То, что случилось, постыдно, – продолжил Нельсон. – Такая потеря. У Расса было столько перспектив. Пока он не встретил ее.

Я ощутил, как зрение заволокла красная дымка, и стиснул в руках грубую материю рюкзака.

– Какая жалость. – Нельсон покачал головой, не отрывая глаз от дороги. – Что делают женщины с приличным мужчиной. Пудрят ему мозги. Сводят с ума. А потом, когда все это летит к чертям, расхлебывать приходится ему.

– Он забил ее до смерти бейсбольной битой, – холодно процедил я сквозь зубы.

– Расс не был ангелом, но что сделала Нора, чтобы взбесить его? Да задолбала, вот что. Он не собирался никому причинять боль. Сейчас об этом никто не говорит. Но ведь для танго нужны двое, верно?

Перед мысленным взором мгновенно вспыхнул образ, как я вскинул кулак, чтобы выбить из глупого рта Нельсона имя своей мамы. Борясь со вскипавшей во мне яростью, доставшейся от отца, я отвернулся к окну. Мелькавший за ним калифорнийский пейзаж казался размытым пятном. Но я уви-

дел отразившийся в стекле образ мамы. Она плакала, забиваясь в угол дерьмовой кухоньки с треснувшей плиткой, и повсюду был разбрызган ужин, который ему не понравился. Не в какой-то конкретный вечер. Подобное случалось довольно часто.

«Ты не такой, как он, Ронан, – прошептала мама, ее слезы смешивались с кровью из пораненной щеки. – Ты лучше его. Помни это».

Я втянул в себя воздух, заставляя руки разжаться, и попытался ей поверить.

– Нам нужно обсудить условия нашего соглашения, – проговорил Нельсон.

– Хорошо.

А я и не подозревал ни о каком соглашении. Просто думал, что у меня есть дядя, который хочет мне помочь. И шанс иметь семью. Нормальную жизнь.

Мне следовало быть умнее.

– У меня есть два здания, по десять квартир в каждом, – продолжил Нельсон. – Я живу в комплексе на Блаффс-авеню. Ты будешь в том, что в Клиффсайде.

Я взглянул на дядю.

– Я не буду жить с тобой?

Он нахмурился.

– Тебе восемнадцать, правда? Я был предоставлен сам себе и работал уже в четырнадцать лет.

– Но...

– Никаких «но». Ты только что приехал в Калифорнию и уже мечтаешь целый день бездельничать на пляже? Обычное дело.

Я стиснул зубы. Я работал с восьми лет – в рамках рабочей программы для малолетних – либо выполнял работу по дому в любой приемной семье, согласившейся взять меня на несколько месяцев. На ферме в Манитовоке я трудился по тринадцать часов в день под палящим солнцем за мизерную оплату.

«Не говори мне о лени, придурок».

– Что за работа? – спросил я.

– Содержание квартир. Текущий ремонт. Что-то вроде мастера на все руки. Ты когда-нибудь работал плотником?

– Когда мне было шестнадцать, я попал в семью, владевшую строительной компанией. Я кое-чему научился.

– Хорошо. А как насчет сантехники? Отопления и вентиляции?

– Не очень.

– Там многого знать не надо, – проговорил он. – Я тебя научу. Мне нравится самому заниматься ремонтом. Получается дешевле. Не желаю, чтобы на мне наживались так называемые профессионалы, которые дерут втридорога, а сами не могут отличить трубу в четверть дюйма от дырки в земле.

Я поерзал на сиденье. Дядю не интересовало воссоединение семьи. Не будет ни обедов за одним столом, ни совместного просмотра матчей. Я был рабочей силой. Ничего боль-

ше.

В желудке поселилась пустота, как будто я не ел много лет и не собирался в ближайшее время.

– А как насчет школы?

Нельсон нахмурился.

– Какой школы?

– Мне осталось доучиться еще год.

Он фыркнул.

– Серьезно?

– Я пропустил один год, когда... все это случилось. Я хочу окончить школу. Получить диплом.

– Пройди тест, если тебе это так важно. У тебя не будет времени на школу. Там уйма работы. Когда кто-то съезжает или его выставляют, нам нужно убрать весь хлам и подготовить дом для нового жильца. Мы должны разместить объявление о сдаче внаем, проверить претендентов. А потом собрать арендную плату, что не так уж и просто. Если бы ты слышал их оправдания, то решил бы, что я занимаюсь благотворительностью.

Дядя продолжал монотонно бубнить, а я кое-что вспомнил. Последний раз, когда по-настоящему разговаривал с мамой, всего за три дня до ее смерти.

– Закончи школу, Ронан, – проговорила она, протягивая вымытую тарелку, чтобы я ее вытер. – Что бы ни случилось. Не уподобляйся мне. Я бросила учебу, и с тех пор пере-

до мной захлопнулись все двери. Дальше нет пути. — Ее ясные голубые глаза омрачила тень, а потом она улыбнулась мне. — Ты умный. Не слушай, если кто-то скажет иначе. И никому не позволяй отнять его у тебя.

— Что отнять? — спросил я, ставя тарелку на столешницу.

— Твое будущее.

Я повернулся к Нельсону.

— Я хочу закончить школу.

— Это не обсуждается.

— А что обсуждается? Ты хочешь заставить меня работать.

— В обмен на крышу над твоей тупой башкой. — Я промолчал, и он вскинул брови. — У тебя есть другие варианты? Как насчет той фермы, где ты убирал коровье дерьмо и спал в сарае? Если вдруг захочешь вернуться, только скажи. Я остановлю машину и позволю тебе сойти прямо сейчас.

«Бросишь, как собаку, на обочине дороги», — подумал я, пока все зародившиеся во мне надежды сгорали одна за другой. Я снова остался один. Значит, черт возьми, так тому и быть.

— Остановись.

Нельсон нахмурился.

— Что?

— Ты меня слышал. Я сказал «остановись».

— погоди...

— Останови эту чертову машину.

Нельсон вздрогнул и крепче вцепился в руль. Он замедлил ход и, съехав на обочину, остановился; по обе стороны извилистой дороги возвышались деревья.

– Мы сейчас черт знает где. Послушай, Ронан, может, я заговорил слишком рано...

– Спасибо, что подвез. – Я вылез из машины и захлопнул за собой дверцу.

Нельсон опустил окно у пассажирского сиденья и медленно тронулся с места, чтобы держаться наравне со мной. Когда он заговорил, в его голосе слышалось отчаяние. И я догадался, что он нуждался во мне больше, чем хотел показать.

– Ты оставишь все свои вещи у меня в багажнике?

– Ага.

– Не глупи, Ронан. У тебя здесь ничего нет.

У меня никогда ничего не было. Я продолжал идти.

Он перегнулся через пассажирское сиденье, и тон его немного смягчился.

– Слушай. Я стал бы неподходящим родителем для маленького ребенка. Но сейчас я здесь, и мы – семья. Это нас обоих устраивает, верно?

Семья. Снова это чертово слово. Я остановился.

– Ну вот, – проговорил Нельсон. – Теперь садись и...

– Она собиралась уйти от него.

Он глупо моргнул.

– Что?

– Ты спросил, что сделала мама, чтобы вывести папу из

себя, – пояснил я, пристально и твердо взглянув на Нельсона. – Он вернулся домой, проведя ночь в тюрьме за то, что избил ее. Ведь его никогда не держали слишком долго. И не защищали ее.

«Я ее не защитил...»

Я прочистил вставший в горле ком.

– Она сказала ему, что забирает меня и уходит. И он, черт возьми, ее убил.

Нельсон ссутулил плечи, старательно избегая смотреть на меня.

– Да ладно, ладно.

– И больше даже не заговаривай о ней. Не произноси ее имя. Ничего.

– Как скажешь.

– И я закончу школу.

Нельсон широко распахнул глаза.

– Столько запросов? Осторожнее, мальчик.

Я не двинулся с места.

Он пробормотал очередное проклятие.

– Ничего не выйдет. Вот увидишь. Тебе самому придется тяжело, а у меня будут лишние хлопоты с жильцами.

Я пошел дальше.

– Ладно, хорошо, если ты так настаиваешь, Эйнштейн. А теперь, может, сядешь в эту чертову машину?

Я забрался обратно, положил рюкзак на колени и захлопнул дверцу.

– Боже, – пробормотал Нельсон себе под нос, возвращая машину обратно на дорогу. – Когда хоть что-нибудь было легко? Да никогда.

По крайней мере, мы хоть в чем-то договорились.

Мой социальный работник Алисия говорила, что Санта-Круз – небольшой городок, но по сравнению с Манитовоком он казался огромным. Улицы, полные домов, магазины, большой университет и парк развлечений с играми, аттракционами и колесом обозрения, которое медленно вращалось на берегу Тихого океана. Озеро Мичиган казалось крошечным по сравнению с бесконечной сине-зеленой водной гладью, простиравшейся вдоль побережья. Обернувшись, можно было увидеть горы, склоны которых покрывали зеленые леса. После того как я восемнадцать лет созерцал один и тот же безнадежный пейзаж, это место походило на мираж.

Я взглянул на Нельсона, задаваясь вопросом, как, черт возьми, он оказался здесь.

– Твоя бабушка оставила все нам с Расселом, – проговорил он, отвечая на мой невысказанный вопрос. – Мне досталась недвижимость, в которую они с дедом вложились миллион лет назад, а твой отец получил наличные, – хмыкнул он. – К счастью для меня.

Я мрачно кивнул, вспоминая, с каким трудом маме уда-

валось оплачивать счета и покупать продукты на деньги, что она зарабатывала на двух работах, пока Расс напивался и проматывал наследство, делая ставки на воображаемые спортивные лиги и играя в покер.

– Приехали.

Нельсон припарковал машину на обшарпанной стоянке. Она располагалась перед цементным массивом жилого комплекса, стоявшего по соседству с точно такими же. Окна нижнего этажа закрывали кованые железные решетки. Цементная лестница с облупившейся краской вела на второй этаж.

Он указал на верхнюю угловую квартиру.

– Она пока твоя. Хватай свои вещи. Я все тебе здесь покажу.

Я последовал за ним вверх по лестнице к угловой квартире. На двери висела черно-золотая наклейка с надписью «ОФИС».

– Обычно управляющие живут на первом этаже, – проговорил Нельсон. – Но там у меня дама с двумя детьми, которая умоляла не переселять ее наверх. – Он закатил глаза и, достав связку ключей, отпер дверь.

– Почему она не хочет переехать?

– Ну, нижняя квартира больше. Я сказал ей, что все зависит от тебя. Если захочешь вышвырнуть эту напыщенную сучку, милости прошу.

Я почувствовал, как напряглись плечи.

– Я не стану этого делать.

– Соверши экскурсию и повтори это снова.

Он толкнул дверь, и я вошел в темную, убогую обувную коробку. Ветхий диван, стол и единственный стул составляли всю обстановку гостиной, по совместительству являвшейся и кухней. В крошечной спальне с маленьким окном, выходящим на улицу, лежал хлопчатобумажный матрас. В ванной комнате имелись душ, унитаз и раковина. На поцарапанном пожелтевшем фарфоре валялось несколько мертвых жуков. Я попытался представить здесь мать с двумя детьми, и у меня скрутило все внутри.

– Я же сказал, – проговорил Нельсон, неправильно истолковав мой полный отвращения взгляд. – Нижняя квартира лучше.

– Мне и здесь хорошо.

– Не будь глупцом. Я бы на твоём месте...

– Я сказал, все в порядке.

Он вздохнул.

– Дело твоё. А теперь давай приступим к работе.

В течение следующих двух недель Нельсон знакомил меня с жильцами квартир «Клиффсайда». «Напыщенной сучкой» с первого этажа подо мной оказалась Марианн Грир, женщина лет тридцати пяти с усталым видом. Под глазами

у нее залегли темные круги, но во взгляде горел неугасимый огонь.

Она напомнила мне маму.

Ее девочкам-близнецам, Камилле и Лилиан, на вид казалось лет по шесть. Когда Нельсон представил меня как нового управляющего, они все уставились на меня с одинаковым подозрением. Я сказал Марианн, что не собираюсь переселять ее наверх. И все же она поспешила закрыть за нами дверь.

– Ты слишком уж любезничал с ней, – проговорил Нельсон, когда мы направились к следующей обшарпанной двери в убогом комплексе. – Не стоит к этому привыкать. Будь осторожней с этими жильцами. Дай им палец, они отхватят всю руку.

Насколько я мог видеть, жильцам приходилось несладко. Почти у всех были проблемы с водопроводом и отоплением, а квартирки оказались такими же дерьмовыми, как и моя. Или еще хуже. Все здание требовалось заново покрасить, заменить трубы и обновить асфальт на обшарпанной парковке.

За эти две недели я сделал все возможное, чтобы устранить имеющиеся проблемы – засор в канализации, протекающие трубы... На своем айфоне, что мне подарила социальный работник перед отъездом из Висконсина, я нашел в «Гугле», как заменить нагревательные элементы. За все материалы для ремонта я платил из собственных сбережений, потому что Нельсон был слишком медлителен и еще медлен-

нее возвращал мне деньги.

Работа занимала все мое время. Учеба в Центральной старшей школе Санта-Круз началась несколько дней назад, и в четверг у меня появилось время, чтобы туда пойти. К счастью, школа находилась в нескольких минутах ходьбы, поскольку транспорта у меня не было.

Как и зарплаты.

– Ты и так живешь бесплатно, – сказал мне Нельсон. – Полагаешь, я буду тебе еще и приплачивать?

– Но как я...

– Найди работу, – пояснил он таким тоном, будто разговаривал с тупицей. – Ты будешь работать и заниматься поддержанием квартир в приличном виде, и на школу не будет времени. Я же тебе говорил.

– Я справлюсь.

Он тяжело вздохнул.

– Это сейчас. Но если в комплексе что-то пойдет не так, я отменю всю учебу.

«Только попробуй».

Центральная старшая школа выглядела словно в кино. Просторная, засаженная деревьями территория и классные комнаты, которые казались чище и светлее, чем моя квартира. Я чувствовал себя здесь самозванцем. Я был слишком взрослым, уже многое повидал. Я не принадлежал к этим ученикам с улыбками на лицах и дурацкими вечеринками. Я чувствовал, как они пристально разглядывали мои татуи-

ровки, и слышал шепотки, что я – сбежавший заключенный. Преступник.

«Нельсон оказался прав».

Но я подумал о маме и продолжил идти вперед.

На уроке математики мисс Саттер, мрачного вида женщины с темными волосами и изможденным лицом, записывая уравнения для демонстрации на древнем проекторе, велела нам достать тетради и карандаши.

Я постучал карандашом по пустому столу. Я забыл купить канцтовары.

– Мистер Венц, верно? – спросила Саттер. – Где ваша тетрадь?

– Забыл, – пробормотал я.

Она поджала морщинистые губы.

– Возле окна есть бумага для заметок. Вы можете ею воспользоваться. Сегодня.

Все взгляды тут же устремились ко мне, а я встал и схватил несколько листов бумаги из неровной стопки на полке. Меня не волновало, что обо мне подумают, но математические уравнения на проекторе вдруг показались мне бессмысленными. Как и мое пребывание здесь. Я слишком давно не жил нормальной жизнью и никогда не смогу наверстать упущенное.

«Прости, мама. Для меня уже слишком поздно. Слишком поздно...»

Я схватил свой рюкзак и вышел из класса. Мисс Саттер

что-то прокричала мне вслед. Но я не обратил на нее внимания и зашагал по одной из цементных дорожек к главной аллее. Школа оказалась огромной. И когда в поле зрения появилось футбольное поле, я понял, что выбрал не тот путь.

– Черт.

Я решил повернуть назад, когда услышал голоса и звук какого-то будильника.

– Паршиво выглядишь, Стрэттон. Хочешь снова обмочиться?

Я заглянул за угол. Трое парней столпились возле четвертого, одетого в затертые джинсы, куртку и шапку. Его часы пищали, а он, словно пьяный, нетвердо стоял на ногах.

– Отвали с дороги, – еле слышно проговорил он, обращаясь к тощему рыжеволосому парню в пляжных шортах и с дурацкой ухмылкой на лице.

– Мне и здесь хорошо, – ответил рыжеволосый парень и скрестил руки на груди, преграждая путь. – Любопытно взглянуть, что же будет дальше.

Двое его друзей нервно переступили с ноги на ногу.

– Эй, Фрэнки, он и правда отстойно выглядит, – произнес один из парней, обращаясь к рыжеволосому. – Да, и этот его сигнал...

– Не-а, он в норме. Правда, Стрэттон?

Парень, Стрэттон, выглядел паршиво. Он весь побледнел и, обливаясь потом, едва держался на ногах.

Фрэнки схватил его сзади за шею.

– Ты все еще таскаешься с этой маленькой машинкой, застрявшей у тебя в кишках? А что случится, если ее кто-нибудь вытащит? Просто чтобы получше рассмотреть?

«Какого хрена?..»

Я быстро подошел к собравшимся. Как раз в этот миг Стрэттон, подняв руку, нерешительно ударил Фрэнки кулаком, попав под подбородок. Челюсть парня, клацнув, резко захлопнулась, и брызнула кровь.

– Ты, зафранец! – завопил он. – Я прикуфил яфык.

Подняв кулак, Фрэнки бросился вперед. Стрэттон стоял у меня на пути. Я оттолкнул его в сторону и ударил приближавшегося Фрэнки в лицо. Я ощутил, как под костяшками пальцев хрустнула кость. Парень отшатнулся, вопя и выкрикивая проклятия.

Я ощущал на себе взгляды остальных, но не сводил глаз с Фрэнки. Все мышцы в теле зудели от желания продолжить, если парень не уgomонится.

Я надеялся, что он так просто не успокоится.

Позади нас возник заместитель директора, жирный ублюдок по имени Чаудер.

– Что все это значит?

– Этот зафранец фломал мне ноф, – заныл Фрэнки, прижимая ладонь к лицу.

– Идите к медсестре, Дауд, – проговорил Чаудер и перевел тяжелый взгляд на меня. – Мистер Венц. В мой кабинет. Остальные возвращайтесь в класс.

Но тут его внимание привлекли пишущие часы Стрэттона. Я ощутил, как этот звук резко охладил разгоряченную кровь. Парень выглядел ужасно. Возможно, ему требовалась «Скорая помощь».

– С вами все в порядке? – раздраженно спросил Чаудер.

– Конечно, – скривившись, проговорил Стрэттон. – Лучшее не бывает.

С каким-то утомленным стоицизмом он, пошатываясь, направился к ряду шкафчиков. Он не донес на Фрэнки или его друзей. Не пожаловался.

– С ним все будет хорошо? – спросил я Чаудера, когда мы направились к административному зданию.

– Вы сломали ему нос. Не думаете, что уже немного поздно беспокоиться?

– Я не об этом придурке. О другом парне.

– С Миллером все будет в порядке, – проговорил Чаудер, ведя меня через кабинеты административного здания, где за столами работали или просто разговаривали консультанты и прочие сотрудники.

– Почему парни до него докопались?

– Выбирайте выражения, мистер Венц. – Чаудер указал мне на стул, стоявший перед его столом. – Подозреваю, они дразнили Миллера, потому что несколько лет назад парень какое-то время был бездомным. Они с матерью жили в машине. – Чаудер наклонился и, вытащив папку из ящика стола, бросил ее на стол. Он нахмурился, увидев мой мрачный

взгляд. – Я не сказал вам ничего нового. Уже завтра к обеду вы не раз услышите об этом. Оставьте это, Венц. – Он поступал по папке. – У вас есть проблемы посерьезнее. Ваша маленькая выходка, по существу, расценивается как нападение.

– Драчливый придурок это заслужил.

– Хм-м. – Чаудер вскинул брови и заглянул в мою папку. – А яблочко недалеко упало от древа семьи Венц.

Я стиснул зубы.

– Чтобы добиться своих целей, есть и другие методы, кроме насилия. – Чаудер сложил руки на груди. – Как насчет отстранения от занятий на три дня, чтобы поразмыслить над этим?

Когда я вышел из кабинета Чаудера, меня ждал Миллер Стрэттон.

– Тебе не стоило это делать из-за меня, – проговорил он, шагая рядом со мной, когда я направился к выходу из школы.

– Я поступил так не из-за тебя, – произнес я, не глядя на него.

– Тогда почему?

«Потому что он убил ее, а я его не остановил».

Но кому хотелось выслушивать это чертово дерьмо? Поэтому я, не замедляя шага, просто пожал плечами. Миллер продолжал идти рядом со мной. Теперь он выглядел лучше.

Взгляд уже не казался таким остекленевшим, и не создавалось впечатления, что в любую минуту он может упасть. Но его стоицизм никуда не делся. Парень носил его, как свою потрепанную куртку, в ветхости ничем не уступавшую моей.

– Ты и в самом деле жил в машине? – спросил я.

В глазах Миллера вспыхнул гнев.

– Ты провел на территории школы всего десять минут и уже слышал об этом? Новый рекорд. Да. Много лет назад. Но, кажется, об этом так и не смогут забыть.

– Так заставь их это сделать.

– Как?

Я согнул пальцы, слегка болевшие после удара о лицо Фрэнки.

«Не моим способом. Не будь таким, как я. И как он».

Миллер пристально посмотрел на меня. Я при росте в шесть футов два дюйма² немного возвышался над ним.

– Парень, которому ты вмазал. Его отец – полицейский.

Мои губы искривились в усмешке.

– К черту их обоих.

– Что ты имеешь против полицейских?

Я подумал о дюжинах поздних визитов полиции, которые заканчивались тем, что отца забирали на ночь в камеру, чтобы «остыть». Вот только он возвращался уже на следующий день, становясь еще злее, чем прежде. А судебными запретами попросту вытирал задницу вместо туалетной бумаги.

---

² Шесть футов два дюйма – примерно 188 см.

Об этом не стоило рассказывать первому встречному, но, кажется, чем дальше мы шли бок о бок по тропинке, тем менее чужим становился для меня Миллер.

Мы шли молча, пока я не добрался до угла здания, за которым теперь присматривал. Утром, перед уходом, я включил телевизор. И теперь мы слышали доносившееся с экрана монотонное бормотание.

– Тебе сюда?

Я кивнул.

– Я живу в квартале отсюда. – Миллер засунул руки в карманы куртки. – Ты торопишься домой?

– Домой. – Я хмыкнул. Я больше не знал, что означало это слово. – Нет.

Миллер кивнул. Судя по взгляду темно-голубых глаз, ему тоже довелось повидать немало дерьма.

– Тогда пойдем со мной.

Миллер повел меня по тропинке, которая начиналась за автостоянкой с заброшенным сараем. Она уводила прочь от полного огней парка развлечений с американскими горками и смеющимися туристами и спускалась к пляжу и скалам, которые дали название нашему району.

По каменистой тропе идти было нелегко. Местами берег осыпался, оседая прямо в океан, и нам приходилось взби-

ратся на большие камни. И когда я уже решил, что стоит повернуть назад, стало легче. Вода отступила, и Миллер завернул за преградивший нам путь огромный валун. На другой стороне от него притулилась маленькая рыбацкая хижина, старая, пострадавшая от непогоды, но все еще державшаяся.

– Я нашел ее четыре дня назад, – пояснил Миллер. – С тех пор прихожу сюда каждый вечер. После работы.

– Да? – Я осмотрел небольшое помещение, в котором стояли деревянный стол и скамья; в одной из стен было прорезано окно. – А где ты работаешь?

– В галерее игровых автоматов, внизу, у парка развлечений.

Я кивнул и сел на скамейку.

– Можно смотреть на океан.

Миллер снова сунул руки в карманы.

– Да, это здорово. Хорошее место, чтобы просто...

– Убраться от всего подальше?

– Именно.

– Ранее ты казался больным, – проговорил я. – И при чем здесь часы? Они как-то связаны со всем этим?

– Это датчик. У меня упал уровень сахара в крови. – Миллер приподнял рубашку и показал мне маленькое белое устройство, прикрепленное к животу. – У меня диабет.

Я кивнул, и в памяти тут же всплыл эпизод из детства, одно из редких неплохих воспоминаний. Я спрятал улыбку, боясь, как бы Миллер не подумал, что я смеялся над ним.

Слишком поздно.

– Что смешного? – спросил он, в голосе его отчетливо прозвучало подозрение.

– Когда я был ребенком, то знал одну девочку... пяти лет, – проговорил я, и неожиданно на меня, словно лесной пожар, обрушился приступ смеха. – У ее тети был диабет. А малышка называла его «диа-ба-тительки».

Миллер взглянул на меня, а потом тоже расхохотался.

– И никто ее не поправлял?

Я покачал головой.

– А ты бы стал?

– Черт, нет.

Из-за этого дурацкого слова мы хохотали как безумные, словно ничего забавнее в жизни не слышали. Я так не смеялся уже целую вечность и готов поклясться, Миллер тоже.

– Черт, я много лет не вспоминал об этом, – проговорил я, когда мы снова смогли дышать.

Миллер вытер глаза.

– Это шедевр. Диа-ба-тительки. Нечто подобное мог бы сказать новый хахаль моей мамы. Специально.

Я тут же уловил скрывавшийся в его словах подтекст. И веселость испарилась.

– Он один из этих?

– Да. Именно.

Я уставился в маленькое окошко, наблюдая, как океан вновь и вновь обрушивался на песок, разглаживая его по-

верхность. Давая возможность начать все сначала. Именно за этим я сюда и приехал и в первый же день чуть не бросил школу.

Я смогу двигаться дальше. Ради себя и ради Миллера. Я коснулся татуировки в виде совы на правом плече. Мама хотела бы, чтобы я присматривал за ним.

«Я помогу ему. Потому что не похож на отца. Я, черт возьми, не...»

– Они тебя больше не тронут.

Миллер нахмурился, сбитый с толку, а потом вновь с подозрением уставился на меня.

– Ты решил стать моим телохранителем или что-то в этом роде? Забудь. Я сам могу о себе позаботиться.

Я склонил голову набок, выжидая. Он, как и я, не привык к подобной людской благотворительности.

– Ладно, – наконец произнес он, и при звуках этого единственного слова что-то зародилось между нами. Становясь прочным и настоящим. Он собрал свои вещи. – Мне нужно на работу. Оставайся здесь сколько захочешь.

«Теперь это и твоя хижина».

Он не сказал этих слов, но я расслышал их в его голосе. Миллер Стрэттон походил на меня. Одиночка, которому в жизни выпал дерьмовый расклад. Но он не стонал и не жаловался. Он со всем справился и продолжал двигаться вперед. Я это уважал.

Я сидел там до захода солнца. Мне не хотелось уходить,

но становилось темно. Вокруг валялись старые обломки прибитых к берегу бревен. Руками я вырыл в песке небольшую ямку и набросал туда древесины. В следующий раз принесу жидкость для розжига. И тогда смогу оставаться здесь сколько захочу.

Хотя мне нужно будет что-то есть. В конечном счете.

Я потащился прочь от хижины, обратно к парковке и своей пустой квартире. Я разогрел замороженный ужин, слушая доносившиеся из телевизора спортивные новости, и просмотрел объявления о найме в местной газете. Сделал несколько звонков и нашел пару разовых подработок. А еще договорился о строительстве сарая на заднем дворе у какой-то старушки. Как раз то, что сейчас нужно. Вполне подходящее время. Я разобрался с просьбами жильцов, и нужно же было чем-то занять три дня отстранения от школы.

Я поужинал и посмотрел футбольный матч, потом посвященное ему спортивное ток-шоу. И все же часы показывали лишь одиннадцать вечера.

Но это был новый город. И новое начало. Может, я смогу спать как нормальный человек. И все будет в порядке.

Я свернулся на дурацком матрасе и в конце концов задремал.

Кошмар уже поджидал меня.

Глухой стук его шагов на нашей кухне. Ее джинсы, скользящие по линолеуму, когда она пыталась отступить. Взмывавшая вверх и опускавшаяся бита.

Снова.

И снова.

И снова.

Я проснулся от собственных криков. Простыни промокли от пота, я все еще ощущал отзвуки наносящей удары биты.

Я глубоко вздохнул, пытаюсь прийти в себя, потом натянул какую-то одежду, зашнуровал ботинки.

Черт возьми, многовато для нового начала.

Выйдя на улицу, я взгляделся в безмолвную темноту ночи и зашагал прочь.

Глава 3

Шайло

В пятницу, в конце первой учебной недели, я проснулась, как обычно, в пять утра. Рассвет только начал проникать в безупречно опрятную спальню, заполненную всем, что составляло мою суть.

Биби называла ее моим гнездом.

«Ты как сорока, собираешь все красивое и блестящее».

Моя лучшая подруга Вайолет называла это отражением творческой энергии. Большая кровать приткнулась в углу комнаты, освобождая место для полок, заполненных книга-

ми по работе с металлом, геммологии, энергии кристаллов, биографиями художников и сборниками поэзии. Все пространство стены занимали коллажи вместе с мандалами, которые я нарисовала черными чернилами, и несколько акварелей со времен моих недолгих занятий живописью. На столе под окном виднелись аккуратные стопки набросков карандашом и просто каких-то каракулей. Рядом лежали ежедневники и записные книжки, заполненные списками дел, каждый пункт которых был зачеркнут.

Я зажгла разноцветные лампы, висевшие на стыке стены и потолка. Их неяркое пестрое свечение создавало в комнате атмосферу, которую я так любила.

Я включила песню Принса и села за стол рисовать. Через двадцать минут у меня был набросок нового изделия. Кольца, в котором тонкие нити металла – вероятно, меди и серебра – обвивались вокруг полудрагоценного камня, словно виноградная лоза. Им я и займусь в гараже после обеда. Я улыбнулась.

«Я сама создаю нечто блестящее».

Из всех творческих отдушин создание украшений притягивало меня сильнее всего. Работа была сложной и требовала больших усилий, материалов и времени. Она занимала ранние утра, поздние вечера и выходные. И, если я полностью не отдавалась ей, на меня накатывало чувство пустоты, шепча, что я была ошибкой и мать никогда меня не желала.

Я взяла в руки рисунок кольца. Это, конечно, не лекарство

от рака, но его я сделать могла. Создать нечто прекрасное, чего в мире прежде не было.

Часы показывали половину седьмого. Я сменила косынку, в которой спала, на полиэтиленовую шапочку, приняла душ, а затем провела обычный утренний уход за волосами.

«Моя кухня Летисия и сама художница», – подумала я, нанося увлажняющий крем с маслом дерева ши на кожу головы и сотни идеальных маленьких косичек, мягко спадающих мне на плечи. Уже не в первый раз я раздумывала над тем, чтобы принять ее предложение через полтора месяца вернуться в Новый Орлеан и подправить прическу в ее салоне. Вдруг мне удастся заявиться к маме и потребовать ответов. О ней. Об отце. И тогда, может быть, пустота внутри наполнится правдой.

«Возможно, ты не хочешь знать правду».

В мое убежище проникали теплые запахи завтрака, развеивая холодные мысли. Я надела желтый сарафан и сандалии. По запястьям скользнули полдюжины медных браслетов, а на палец – серебряное кольцо с бирюзой, которое я сделала этим летом. Прежде чем выйти, я проверила настольный календарь с гороскопом на сегодняшний день.

«Будьте готовы к чему-то неожиданному».

Я хмыкнула. Ничего неожиданного просто не могло случиться. Чтобы избежать подобного, я все планировала и подготавливала заранее.

Когда я вошла в кухню, Биби стояла у плиты, поджари-

вая блинчики и бекон. Она шаркала по небольшой комнатке в белом домашнем платье и тапочках, и полы ее одеяния скользили по старому линолеуму.

– Доброе утро, Биби, – проговорила я, чмокнув ее в щеку.

– Доброе утро, милая. Садись. Есть свежая дыня.

Я села за слишком большой обеденный стол, втиснутый между кухней и гостиной. В центре стола, рядом с керамическим чайным сервизом, стояло блюдо с нарезанной дыней. Биби с двумя тарелками в руках отошла от плиты и тоже села за стол. Когда она находилась здесь, в доме, было почти невозможно сказать, что у нее большие проблемы со зрением. Или что ей уже исполнилось восемьдесят.

Биби поставила передо мной тарелку, а я налила ей чашку чая из керамического чайника.

– Как прошла первая неделя в выпускном классе? – спросила Биби. – В этом году на горизонте маячит нечто новое и захватывающее?

– Не особо, – проговорила я. – В нашем классе пара новых парней. Роман или какой-то Роланд. Он вместе со мной ходит на историю. По крайней мере, так говорят. Но он пока еще не появлялся. Другой парень, Холден Пэриш, по слухам, миллиардер.

– Боже мой. Миллиардер.

– Не знаю, правда ли это. Он красавчик, но холоден как лед. Девушки просто бросаются к его ногам. Хотя это смешно. Ведь я на девяносто девять процентов уверена, что он

гей.

Биби усмехнулась, глядя в свою чашку.

– А как дела у мисс Вайолет? Она тоже бросается на этого нового красивого парня?

– Ей он неинтересен. Она составила грандиозный план и хочет начать встречаться с квотербеком футбольной команды. Чтобы Миллер навсегда остался в числе ее друзей. А бедный парень тем временем каждый вечер играет ей на гитаре и поет песни о любви. – Я вздохнула. – Новый учебный год, но все та же история.

Моя лучшая подруга познакомилась с Миллером Стрэттоном, когда нам исполнилось тринадцать. Тогда он лишился дома и жил со своей мамой в машине. Его ситуация сразу же тронула мягкое сердце Вайолет. Между ними зародилась прекрасная дружба, хотя фраза о «прекрасных друзьях» исходила от самой Вайолет. Для всех же остальных, и в большей степени для меня, казалось очевидным, что их чувства были намного глубже дружеских.

– Досадно, – проговорила Биби. – Но чего она ждет?

– У нее есть свои причины так себя вести. Я с ней не согласна, но уважаю ее решение.

– У тебя тоже есть свои причины. И ты не позволяешь этому юноше из Луизианы превратиться в нечто большее, чем летняя интрижка.

– У Вайолет с Миллером все иначе. Ведь очевидно, что они принадлежат друг другу. И то, что они не вместе, попро-

сту не имеет смысла.

Биби подняла свою чашку.

– Я запомню эти твои слова, и в один прекрасный день использую их против тебя.

Я рассмеялась.

– Ты как тетушка из того ток-шоу о сватовстве, которая пытается устроить всем счастливую жизнь.

– Нет, милая. Только тебе. – Обхватив чашку обеими руками, она поставила ее на блюде. – А что еще? Какие новости?

– Завтра вечером Ченс Блейлок устраивает ежегодную вечеринку по случаю возвращения в школу.

– Ты хочешь пойти?

– У меня слишком много работы. Нужно выполнять заказы.

Биби хмыкнула.

– Новый учебный год, но все та же история.

– Я понимаю, на что ты намекаешь.

– Шайло, прошлой ночью ты сидела в гараже почти до полуночи. Мне нравится, что ты ответственно относишься к своей работе, но не зарабатывай себе ЖМО.

Я поперхнулась апельсиновым соком.

– ЖМО?

– Разве не так говорят молодые люди, когда не хотят чувствовать себя брошенными?

– ЖННУ, – смеясь, проговорила я. – Желание ничего не

упустить.

– А что означает ЖМО³?

– Не могу тебе сказать. Это не годится для твоих юных ушей.

Биби фыркнула и шлепнула меня по руке.

– По крайней мере, сходи на вечеринку и проведи время со своей лучшей подругой.

– У нас с Вайолет все в порядке.

Как только эти слова слетели с моих губ, я засомневалась. Даже до поездки в Новый Орлеан мы виделись с ней не так часто, как прежде. Королева школы Эвелин Гонсалес со свитой взяли Вайолет под свое крыло. Моя подруга, застенчивый книжный червь, возможно, даже будет претендовать на звание Королевы школьного бала.

– К тому же ты знаешь, что от алкоголя мне очень плохо, – я усмехнулась. – Как и от дерьмовой музыки в стиле «хаус».

Биби вздохнула.

– Не стану спорить. В любом случае я здесь. Займусь созданием для тебя приличной мастерской. Как уж это называется? Пособник. Я стала твоим пособником.

Я рассмеялась и отнесла тарелки в раковину.

– Ты как раз напомнила. Пока меня не будет, не впускай сюда разнорабочего.

– Ерунда. Со мной все будет в порядке. Раз уж ты заговорила об этом. Вчера приходил детектив Харрис.

---

³ Жизнь моя отстой (от англ. *Fuck my life*).

– Опять? – Я пошевелила бровями. – Он тоже принес гитару и пел тебе любовные песни?

– Разве ты не хочешь узнать? – парировала она, лукаво улыбаясь.

Я усмехнулась. Бабушка знала в городе всех, и ее все любили.

«Потому что у нее слова не расходятся с делом. И сердце открыто».

«Как и мое», – убеждала я себя, ополаскивая тарелки и ставя их в посудомоечную машину. Я любила Биби. Любила Вайолет. За любую из них я отдала бы жизнь. А что еще нужно?

– Будь осторожнее, Шайло, – вдруг, посерьезнев, проговорила Биби, пока я вытирала руки и собирала школьную сумку. – Детектив Харрис сказал мне, что одного из офицеров его участка снова пришлось наказать. Митча Дауда. Полагаю, его сын учится в твоём классе.

– Фрэнки, – проговорила я. – Он маленький придурок.

– А его отец – большой придурок. Насколько я слышала, у него скверный характер. Чрезмерно вспыльчив и неумеренно горделив. Отвратительное сочетание.

– Просто чемпион. Похоже, ему достался главный приз.

– Харрис использовал слово «психопат».

– Боже. И он все еще работает?

– Вероятно, он там не задержится. Но, Шайло, если Дауд остановит тебя...

– Я знаю, что делать, кто бы меня ни остановил. – Я чмокнула ее в щеку. – Мне нужно бежать. С тобой все будет в порядке?

– Конечно.

– Позвони мне, если что-нибудь понадобится.

– Непременно. Шайло? – позвала она, когда я уже подошла к кухонной двери, ведущей в гараж. – Может, я и не согласна с установленными тобой границами, но я их уважаю.

Я улыбнулась, в груди разлилось тепло.

– Я люблю тебя, Биби, – проговорила я, и слова легко слетели с губ. Без колебаний.

«С моим сердцем все в порядке, – думала я в гараже, забираясь в «Бьюик». – Для нужных людей оно открыто».

В школе в перерывах между занятиями я вставляла в уши наушники. Меня наполняли звуки «Hunger» в исполнении Florence + the Machine, тогда как остальные школьники спешили мимо, разговаривали и смеялись, еще полные энергии нового учебного года, которая иссякнет уже через неделю.

Я заметила Миллера Стрэттона, который, опустив голову и ссутулившись, в одиночестве устало плелся через двор. Он поймал мой взгляд и махнул рукой. Я помахала в ответ. Парень выглядел так, будто нес на своих плечах всю тяжесть мира. Мне хотелось, чтобы Вайолет помогла ему немного об-

легчить это бремя. Но кто я такая, чтобы советовать? Я и сама тащила свою ношу, и все было прекрасно.

Но когда мы с Вайолет встретились на истории, стоявшей сегодня в расписании последней, взгляд ее темно-синих глаз был мрачным, и в нем отчетливо читалось: «Миллер Стрэттон». Девушка казалась одновременно прекрасной и несчастной.

«Именно поэтому я не связываюсь с парнями».

– Привет, – проговорила я. – Ты в порядке?

Она нацепила фирменную улыбку Вайолет Макнамара, сообщавшую, что все отлично.

– Конечно. Прекрасно выглядишь, Шай. Как всегда. Оно потрясающее. – Подруга протянула руку и коснулась серебряного кольца с бирюзой на моем указательном пальце. – Полагаю, это подлинник Баррера?

– Бесплатная реклама.

– Ты гений.

– А ты похвальным способом уклоняешься от темы. Что происходит?

Но Вайолет не пришлось отвечать. Наш учитель истории, мистер Баскин, крупный мужчина с седеющей бородой и в огромных очках, встал перед классом. Когда он начал переключку, все притихли. Он добрался до буквы «В» и нахмурился.

– Венц? Венц? – Ответа не последовало. – Ах, точно. Его отстранили от учебы.

Он сделал пометку в журнале, а затем вновь запустил на доске документальный фильм о русской революции, который мы начали смотреть в прошлый раз.

Когда кабинет погрузился во тьму и начался фильм, я наклонилась к Вайолет.

– Ладно, мисс Всезнайка. Кто этот новый парень, который все не показывается?

– Ронан Венц, – прошептала она в ответ. – Эвелин говорит, его отстранили, потому что он ударил Фрэнки Дауда. Сломал ему нос.

– Мой герой. Этот засранец получил по заслугам.

Взгляд Вайолет стал еще более мрачным.

– Он приставал к Миллеру. Снова.

– Фрэнки – психопат. Весь пошел в отца. – Я вкратце рассказала ей, что Биби сообщила мне сегодня утром о Митче Дауде. – Если этот парень, Ронан, сломал нос Фрэнки, его отец будет жаждать крови.

Мистер Баскин оторвал взгляд от стола и предупреждающе посмотрел на нас. Мы с Вайолет сделали вид, что смотрим фильм, хотя я физически ощущала исходящее от нее беспокойство.

Через несколько минут она снова наклонилась ко мне.

– Миллер упомянул, что у его мамы появился новый хахаль?

– Нет. В последнее время он все больше молчит. А что?

– Полагаю, там не все гладко. Миллер мне мало что ска-

зал, и, наверное, он больше не зайдет. Я думаю...

– Что?

Вайолет хотела что-то сказать, но передумала. Она выдавила из себя очередную улыбку.

– Ничего. Тебе так повезло, Шай. Ты знаешь, кто ты и чего хочешь. Когда мы закончим школу, ты откроешь свой собственный магазин и не позволишь никому и ничему тебе помешать.

Я нахмурилась.

– Ты пойдешь в медицинский колледж, Ви. Чтобы стать хирургом. Ты трудишься усерднее всех.

– Знаю, но иногда мне кажется, что я упускаю нечто жизненно важное, и это выводит меня из равновесия. Но ты такая... целостная. – Она слабо улыбнулась и махнула рукой. – Не обращай внимания. Я веду себя глупо. Наверное, ПМС.

Сидевший за столом мистер Баскин откашлялся и вновь одарил нас взглядом. Вайолет принялась делать заметки по фильму. Ее слова крутились у меня в голове. Я понятия не имела, кто мой отец, а любовь матери походила на регулятор освещения, установленный на самой низкой отметке. Если я и казалась целостной, то лишь потому, что держала себя в руках, соединяя вместе поддерживавшие меня разрозненные элементы – свое искусство, Биби и стремление доказать матери, что я не была ошибкой.

Но я не говорила об этом с Вайолет и не делилась, подобно ей, своими страхами.

«Когда-нибудь она устанет откровенничать, не получая от меня ничего взамен».

Я наклонилась к Вайолет и коснулась ее руки.

– Эй. Я рядом с тобой. В любое время. Ты ведь знаешь это, правда?

Она мягко улыбнулась и сжала мне руку.

– Конечно. Спасибо, Шай.

Но когда ее рука соскользнула с моей, я ощутила, что она сама тоже каким-то образом отдалилась от меня. К тому времени как урок закончился, я решила, стиснув зубы, последовать совету Биби.

«Фу, это будет отстой, но Ви того стоит».

– Ты все еще собираешься завтра вечером на вечеринку к Ченсу? – спросила я, когда мы вновь вышли на солнечный свет.

Ее лицо тут же просветлело, а затем к нам устремилась Эвелин Гонсалес. С идеальным макияжем, в обтягивающей черной одежде и с забранными в хвост, перекинутыми через плечо волосами, она походила на Ариану Гранде.

– Конечно, собирается, – проговорила Эвелин. – Как и некий квотербек. Там будет алкоголь и мой печально известный вариант «Семи минут в шкафу». В буквальном смысле. Вайолет покраснела до корней волос.

– Это значит «да», – пояснила она мне. – А что? Ты...

– Нет, я просто хотела убедиться, что ты будешь там не одна, – быстро проговорила я.

Эвелин сжала ладонь Вайолет и, подобно девочке из начальной школы, помахала их сплетенными руками.

– Я глаз с нее не спущу. Ну разве только когда они с Ривером Уитмором решат уединиться в шкафу.

Я чуть улыбнулась.

– Отлично.

– Ты точно не пойдешь, Шай? – спросила Вайолет.

Эвелин наблюдала за мной, в глазах ее не было и намека на касавшуюся губ улыбку.

– У меня слишком много работы, – проговорила я. – Но ты иди. Повеселись. И будь осторожней.

– Да, мамочка, – рассмеявшись, произнесла Эвелин и потащила Вайолет прочь.

Днем, когда я вернулась домой из школы, Биби была на кухне, выжимая сок из лимонов с растущего в саду дерева. На доске я заметила веточки мяты и листья базилика, тоже из нашего сада.

Я обняла ее сзади и положила подбородок на плечо.

– Твой знаменитый изысканный лимонад. По какому поводу?

Биби протянула руку и погладила меня по щеке.

– Никакого повода. Просто юноше, что работает на заднем дворе, нужен перерыв. Он целый час пропалывал эти за-

росли.

Застонав, я достала из холодильника бутылку сельтерской воды⁴, пока Биби добавляла в лимонный сок сахар.

– Я же просила не впускать его, пока ты здесь одна.

– Никому не нужна безобидная маленькая старушка вроде меня.

Она разлила сельтерскую и лимонад со льдом в два стеклянных стакана, потом добавила мяту и листья базилика.

«Нет, тебя попросту могут вслепую ограбить. Причем в буквальном смысле».

– Кроме того, – продолжила она, перемешивая содержимое стаканов, так, что восхитительный напиток приобрел бледно-зеленый цвет, – я хорошо чувствую людей. Этот мальчик спокойный. Почтительный. – Она протянула стаканы мне. – Один тебе, второй ему. Посмотри сама, кто строит тебе сарай, а потом только скажи мне, что он не джентльмен. Кыш отсюда.

Я послушалась, в основном из-за желания убедиться, что она не пригласила в наш дом почтительного серийного убийцу.

Я направилась в заднюю часть дома и остановилась у затянутой сеткой двери, которая вела на большой, заросший задний двор. Высокий парень, по меньшей мере шести фу-

---

⁴ Сельтерская вода – натуральная газированная вода исторической торговой марки минеральной воды «Selters».

тов⁵, с короткими темными волосами, склонился вперед с граблями в руках, расчищая поросль с участка земли рядом с патио. На нем были джинсы и черная майка, обнажавшая сильные руки, на которых виднелось несколько татуировок. Мышцы спины и плеч плавно перекачивались под гладкой, блестящей от пота кожей. На наблюдавшую за парнем меня смотрела черно-белая чернильная сова с ярко-оранжевыми глазами, казавшаяся чересчур реальной.

Я замерла как идиотка. Парень, сделав перерыв в работе, выгнул спину, и моим глазам предстал его профиль, словно сошедший со страниц учебника живописи. Высокие скулы, густые брови, длинный прямой нос и соблазнительный рот с полными губами.

«Ладно, значит, он привлекательный серийный убийца».

Я прижала стаканы к груди и открыла затянутую сеткой дверь. Парень обернулся на звук и одарил меня пронзительным взглядом серых глаз. Который, относись я к девушкам другого типа, мог бы сбить меня с ног. Глаза его, поначалу казавшиеся холодными и безжизненными, словно сланец, при виде меня мгновенно потеплели. Губы, сжимавшиеся в мрачную линию, чуть приоткрылись.

А затем он снова закрылся. И пока наблюдал, как я пересекала патио, взгляд его стал жестким и неподвижным. Он поднял щиты.

«Поддерживаю, приятель».

---

⁵ Шесть футов – примерно 183 см.

– Привет, – ровно проговорила я, не сводя с него спокойного взгляда. – Это от Биби.

– Спасибо, – произнес парень. Голос его был глубоким и сильным. Истинно мужским. Он взял лимонад, не сводя с меня непреклонного взгляда, подпускающего ближе и не позволявшего уйти.

Я вздернула подбородок, не желая сдаваться первой.

– Я Шайло.

– Ронан.

Я моргнула. Вот черт.

– Ронан... Венц?

Он кивнул и сделал глоток шипучего лимонада.

– Мы с тобой вместе на истории, – проговорила я. – По крайней мере, твое имя есть в списке.

Он снова кивнул. Капелька пота покатилась по резко очерченной скуле, вниз к квадратной челюсти.

Я прочистила горло.

– Где ты был?

– Работал. А сейчас меня отстранили.

Он сказал это довольно просто. Да и все в нем казалось простым. Одежда, явно выдавшая лучшие времена, потертые ботинки и его движения, обдуманнные и прямые. Кроме глаз. В них виднелась глубина.

«В которой ты могла бы затеряться, если бы он позволил».

Столь нелепые мысли заставили меня фыркнуть. Теперь,

когда я принесла Ронану лимонад и убедилась, что, по всей вероятности, он не был серийным убийцей, мне следовало уйти. Вот только не такого рабочего я ожидала. Пусть внешне Ронан не походил на школьника, но все же пока еще учился. Взгляд его глаз казался почти испуганным, хотя по нему ничего нельзя было прочесть. Что бы ни довелось повидать парню, это каким-то неуловимым образом отделяло его от окружающих. Создавало нависавшую над ним, словно тень, ауру глубокого одиночества.

Мне это не нравилось.

Впрочем, как сам факт того, что меня это вообще обеспокоило.

«Будь с ним дружелюбней, от тебя не убудет. Новенький мальчик и все такое».

Вот только он не был мальчиком. Передо мной стоял мужчина во всех смыслах этого слова. Нечто в прошлом заставило его повзрослеть, и немалая часть меня хотела доказать, что я смогу находиться рядом с ним, не растекаясь лужицей у ног.

– Биби сказала, у тебя перерыв. – Я кивнула на маленький кованный железный столик и два стула, стоявшие посреди патио. – Не хочешь присесть на минутку?

– Конечно, – спокойно отозвался он.

Высокий, подтянутый, он опустился на стул, стоявший возле стола. Большими глотками Ронан принялся пить шипучий лимонад, его кадык отчетливо двигался под блестя-

щей от пота кожей.

Я смахнула с плеча горсть косичек. День внезапно показался еще жарче.

– Значит, ты новенький в Санта-Круз?

Он кивнул.

– Откуда ты приехал?

– Манитовок, штат Висконсин. Я здесь уже несколько недель.

– И как тебе? Пока нравится?

Он пожал плечами.

– Лучше здесь, чем там, где я был.

В этих семи словах прозвучал такой ощутимый подтекст, что, черт возьми, у меня сложилось впечатление, будто он накачал себе мышцы, только чтобы вынести все это.

«И дать отпор».

– Я слышала, тебя отстранили, потому что ты ударил Фрэнки Дауда.

Он снова кивнул.

– Моя подруга Вайолет сказала, что ты защищал Миллера Стрэттона.

– Можно и так сказать.

– Я не знала, что вы с Миллером друзья.

– Уже да.

Я нахмурилась. Разговор с этим парнем походил на блуждание по лабиринту, в котором попадались одни тупики. И приходилось постоянно лавировать, чтобы не потерять нить

беседы.

– Жаль, что тебя отстранили, но Фрэнки много лет доставал Миллера, а тот не так уж сильно сопротивлялся.

Взгляд серых глаз Ронана стал тверже.

– Почему? Из-за диабета?

– Отчасти. А еще потому, что он музыкант. Играет на гитаре. Если он повредит руки, то не сможет играть.

Он снова кивнул, почти что самому себе.

– Ему больше не стоит беспокоиться насчет Фрэнки.

– Это героический поступок, но отец Фрэнки – полицейский.

– Наслышан.

– И он не обрадуется, что ты сломал его сыну нос.

Ронан пожал плечами.

– Биби говорит, что он псих. Тебя не беспокоит его месть?

Он втянул воздух через нос и вздернул подбородок.

– Нет.

Я поджала губы. Может, в конце концов, не такой уж он и одиночка. Просто обычный альфа-самец, играющий мышцами, чтобы показать, насколько крутой.

Скукота.

«Но эти мышцы...»

Против воли взгляд метнулся к его впечатляющим рукам и покрывавшим кожу татуировкам. На правой руке, от запястья до локтя, виднелся циферблат с римскими цифрами в окружении лилий. Если я правильно заметила, часы показы-

вали чуть больше десяти.

На внутренней стороне левого предплечья тоже виднелся рисунок. Правая рука вонзила в ладонь левой какой-то средневековый кинжал. С его кончика свисала капля крови, готовая упасть на слова: «РУКИ ПОМНЯТ».

«Помнят что?»

Справа на груди виднелась какая-то цитата. Я не могла ее прочитывать, потому что большая часть скрывалась под майкой. А спрашивать, черт возьми, я не собиралась. Сова на правом плече казалась настолько реальной, что, похоже, могла в любой момент взлететь.

Я отвела от нее взгляд и заметила, что Ронан наблюдал за мной.

– Кстати, сколько тебе лет?

– Восемнадцать. В марте будет девятнадцать. – Он опустил взгляд на стакан с лимонадом, в его низком голосе слышалась горечь. – Знаю. Я, черт возьми, слишком стар для старшей школы.

– Речь вовсе не об этом. Я просто задалась вопросом, потому что у большинства парней в классе еще нет наколок. Не говоря уж о том, что ты выглядишь слишком юным, чтобы связываться с отцом Фрэнки.

Ронан вновь взглянул на меня.

– Я справлюсь.

На этот раз в его словах не было бравады. Лишь нечто, походившее на смирение. У меня создалось впечатление, что

Ронану Венцу доводилось сталкиваться с куда более худшим, чем разозленный Митч Дауд.

– А что насчет родителей? – спросила я, немного смягчив свой тон.

– Я не живу с родителями, – произнес Ронан. – Я живу... с дядей. Вон там, в «Клиффсайде».

– Миллер живет в том же районе. – Я сухо улыбнулась ему. – Но ты наверняка это знаешь. Ведь вы теперь лучшие друзья.

Губы Ронана дрогнули в некоем присущем ему подобии улыбки.

Повисло короткое молчание, но оно не тяготило. Ронан больше уже не рвался вскочить со стула. Он оглядывал большой, заросший двор и дом позади меня, и в его серых глазах застыла тоска.

– Здесь мило, – проговорил он, а потом кивнул на пустой стакан из-под лимонада. – И это было здорово.

Не раздумывая, я пододвинула свой нетронутый напиток к нему. На его лице отразилось подозрение.

– Тебе это нужно больше, чем мне, – пояснила я. – Ну, ты же работаешь на жаре.

– Спасибо. – Он даже не потянулся в сторону стакана.

Разговор не клеился, но, кажется, я тоже не спешила вставать из-за стола.

– Каково это? Жить с дядей?

– Ну, так уж вышло.

– У тебя есть братья или сестры?

– Нет.

– Как и у меня. Я тоже одиночка. Лишь я и Биби.

– Твоя бабушка.

– Прабабушка. Мама моей бабушки. Которая умерла еще до моего рождения.

– А твои родители? Они тоже мертвы?

– Они... – Я скрестила руки на груди. – Прямой вопрос. А твои?

– Мертвы.

Я пристально взглянула на него.

– Мама умерла, когда мне было восемь, – пояснил он. – Отец на несколько лет позже. Я спросил только потому... не бери в голову.

– Почему?

– Забудь.

«Этот парень умеет чертовски расстроить».

Но вспыхнувший во мне гнев уже затухал. Я не могла злиться на того, кто в столь юном возрасте потерял обоих родителей.

– Что касается твоего слишком прямого вопроса... – начала я. – Мама живет в Новом Орлеане с остальными членами семьи. Что касается отца, я понятия не имею, жив он или мертв. Знает только мама, но она молчит.

– Ты с ней часто разговариваешь? С мамой? – низким голосом спросил Ронан.

– Не особо, – призналась я. – Мы не близки.

«И это еще мягко сказано», – подумала я и вдруг осознала, как много рассказала этому парню, в сущности, незнакомцу. Грубая, неотесанная, беспардонная честность Ронана за несколько минут обнажила мою частную жизнь больше, чем кто-либо другой, включая Вайолет.

– Как бы то ни было, возвращайся к работе...

– Я ведь строю этот сарай для тебя, верно?

– Для моей работы. Я делаю украшения. Сейчас я тружусь в гараже, но Биби не хочет, чтобы я дышала парами или спалила дотла дом.

Взгляд Ронана скользнул по кольцу на моем пальце и браслетам на запястьях, потом задержался на коже, поднимаясь к шее, подбородку, рту. Кажется, я ощущала его на себе, и там, куда смотрел Ронан, зарождалась легкая дрожь...

«Нет, я пас».

Я резко встала.

– Кстати говоря, меня ждут дела. Мне пора идти.

Ронан поднялся вместе со мной и вытащил из заднего кармана лист бумаги.

– Если хочешь взглянуть, я тут набросал план постройки. Она ведь будет для тебя.

– Ты нарисовал план? – спросила я, впечатленная тем, насколько серьезно он подошел к делу.

Он явно неверно истолковал мое удивление, а взгляд стал еще более хмурым, если такое вообще возможно.

– А что, это так трудно?

– Нет, я просто имела в виду... – Я покачала головой. – Не обращай внимания. Дай мне посмотреть.

Я потянулась через стол за листом бумаги. На нем был от-
лично прорисован сарай для работы размером десять на две-
надцать футов⁶. С наклонной односкатной крышей и двой-
ными дверями. На одной стене даже виднелось окно.

– Вау, – проговорила я. – Он выглядит... – *«Идеально»*. –
... дорого.

– Я останусь в рамках бюджета, – произнес Ронан, уса-
живаясь на край стола, и скрестил руки на груди. Я ощути-
ла, как меня окутал аромат геля для душа, самый типичный,
обыкновенный, и тепло его кожи. Он поднял руку и провел
пальцем линию на листе бумаги. – Здесь можно подвести
электричество для освещения и рабочих приспособлений. У
меня нет сертификата. Так что для этого придется нанять
кого-то другого.

– Не нужно, – проговорила я. – И никакого бюджета. Что
бы ни говорила Биби, я не позволю ей тратить на меня свои
сбережения. Мой ручной фонарик работает на батарейках, а
к паяльнику я подключу удлинитель.

– Если ты останешься здесь, когда стемнеет, может по-
мочь приличный походный фонарь.

– Попробую. – Я вновь посмотрела на план. – Он выгля-
дит здорово, Ронан, – произнесла я и тут же пожалела, что

---

⁶ Примерно 305×366 см.

назвала его по имени. Как только эти звуки слетели с языка, я ощутила, как меня накрыла необъяснимая волна жара.

Подняв голову, я взглянула на парня. Будучи ростом пять футов семь дюймов, мне приходилось смотреть на него снизу вверх. Его квадратная челюсть и полные губы находились так близко от моих, и сердце пропустило удар. Жесткая, каменная серость его глаз теперь казалась мягкой и дымчатой.

– Да, так что спасибо. – Я прочистила горло и отступила от него.

– Ага. – Он протянул руку.

– Что...

– План.

– Ой. Точно.

«Боже, девочка».

Ронан сунул лист бумаги в задний карман джинсов и, отвернувшись от меня, поднял грабли.

Я взяла его пустой стакан, а целый оставила ему. Он может выпить его или нет. Какое мне дело?

Но против воли я взглянула на него через плечо. Сердце замерло, когда я заметила, что парень тоже украдкой смотрел на меня. Мы оба поспешили отвернуться, и я быстрым шагом направилась в дом.

«Нет, нет, нет. Я не нервничаю».

Биби вязала, сидя на диване, Люси и Этель свернулись калачиком у ее ног.

– Ну что? – не поднимая глаз, спросила Биби. – Мы можем

его оставить?

Я кашлянула.

– Да, с ним... порядок. Оказывается, он учится в моей школе.

– Да? – Спицы Биби взлетели вверх. – Это ведь о чем-то говорит? Мне показалось, что он довольно молод для серийного убийцы.

– Точно. Так что... я буду в гараже.

Я поставила стакан в раковину и поспешила в безопасность мастерской, намереваясь погрузиться в работу. Я хотела сделать кольцо, которое набросала этим утром. Изделие для будущего магазина.

Я порылась в пакете с полудрагоценными камнями, заказанными у оптовика, которые обошлись мне в кругленькую сумму. Я предполагала, что в витках металла должно быть нечто роскошное и яркое. Возможно, малахит.

Вместо этого бессознательно потянулась к дымчатому кварцу.

– Перестань, – отругала я себя. – Он привлекательный. Вот. Ты это признала. А теперь возвращайся к работе.

Но Джален Джексон тоже был привлекательным. Однако я выбросила его из головы в ту же минуту, как покинула Новый Орлеан. Ронан Венц же оказался...

«Чем-то неожиданным».

И этот парень будет рядом со мной в моем доме и в классе в школе. Каждый день. Неизбежно.

«Ничто не собьет тебя с пути. Ни за что».
Я положила серый камень обратно в пакет.

Глава 4

Ронан

Шайло направилась в дом, а я провел граблями по заросшему участку земли. Я в последний раз украдкой взглянул на девушку, словно желая убедиться, что она чертовски реальна, а вовсе не мираж или царица Египта во плоти. Сотни черных косичек ниспадали на светло-коричневую кожу ее плеч, сиявшую в лучах послеполуденного солнца, отблески которого цеплялись за браслеты и кольца, вероятно, созданные ею самой. Боже, она была прекрасна. В мягком взгляде

де ее темных глаз светились пронизательность и ум. И осторожность. Она ничего не отдавала просто так. Время и доверие этой девушки еще следовало заслужить... и тогда, вероятно, удастся ощутить себя королем.

Когда она взглянула на меня в ответ, глупое сердце замерло в груди. Мы встретились с ней глазами, и я ощутил, как что-то екнуло внутри. Оба тут же поспешили отвернуться, и она исчезла в доме; платье струилось по ее телу, словно вода.

Я безжалостно вонзил грабли в землю.

– Черт побери мою жизнь.

Мне не нужна такая пытка. Дом, двор, проклятый лимонад. Это уже было слишком.

А теперь Шайло...

«Забудь о ней. Большие никаких разговоров или вопросов на личные темы. Хватит».

Потому что я ничего не мог предложить подобной девушке.

Закончив на сегодня, я подхватил свою старую джинсовую куртку на флисовой подкладке, висевшую на спинке стула в патио. Но не успел я коснуться затянутой сеткой двери, как в нос ударил запах свежее испеченного печенья.

– Мисс Баррера? – позвал я. Старушка была почти слепа. И мне не хотелось ее напугать.

– Иди сюда, милый.

Я старательно вытер ноги о лежавший на крыльце коврик, чтобы не запачкать следами пол, и вошел внутрь. На кухон-

ной столешнице остывало блюдо с шоколадным печеньем.

У меня заурчало в животе, и тут же отозвался застарелый голод, который был сильнее потребностей плоти. Дом Баррера, черт возьми, просто ошеломил меня. Теплый и уютный, переполненный фотографиями и старинной мебелью, стеклянными шкафчиками со старушечьими безделушками и деревьями, созданными из проволоки и бисера. В воздухе витали запахи домашней еды. В этом доме ощущалась некая ценность, которой я никогда не знал и не понимал. Но она выражалась не в деньгах, а во всем остальном, что имело значение. Трудно было поверить, что этот дом, семейный очаг, и моя паршивая пустая квартира находились в одном и том же городе.

Мисс Баррера сидела на диване и вязала, а рядом с ней свернулись две серые кошки. Шайло видно не было, и слава богу. От меня воняло потом, и следовало убираться отсюда к чертовой матери.

– Как на улице? Надеюсь, не слишком жарко.

– Нет, мэм.

– Ты познакомился с моей правнучкой?

– Да, мэм.

– Надеюсь, она не доставила тебе неприятностей.

– Нет, она... милая.

«Она – произведение искусства».

– Хорошо. Она может быть довольно прямолинейной.

И это мне нравилось. Даже слишком. Очень многое в

Шайло чрезмерно привлекало меня.

Я прочистил горло и вытащил из кармана еще один сложенный лист бумаги.

– Это список материалов. Я обзвонил кучу мест и выбрал самые лучшие цены.

Я протянул ей бумагу и быстро отступил.

– Ты просто прелесть! Мои глаза уже не те, что раньше, но я верю, что все в порядке. Я попрошу Шайло сегодня все заказать.

– Ага. Завтра в то же время?

– Что за глупость. Завтра суббота. Выходные нужны для развлечений. Хоть бы кто-нибудь сказал об этом моей внучке. – Она широко раскрыла глаза от внезапно пришедшей в голову мысли. – Шайло сказала, что ты учишься с ней в одном классе в Центральной школе.

– Да, мэм.

– Завтра вечером в доме одного из одноклассников будет вечеринка. По слухам, полный отпад.

Я кашлянул.

– Ладно.

– Разве не здорово, если вы с Шайло пойдете вместе? Ты познакомишься с одноклассниками, а заодно вытащишь Шай из гаража. – Она послала мне лучезарную улыбку. – Ну что скажешь, милый?

Эта женщина в самом деле хотела, чтобы я куда-то повел ее внуку? Должно быть, она видела еще хуже, чем я думал.

– Вряд ли получится, мисс Баррера.

– Пожалуйста, зови меня Биби. – Она улыбнулась, не поднимая глаз от вязания. – Очень жаль. Я просто подумала, что раз уж вы учитесь в одной школе и все такое... – она усмехнулась. – Шайло беспокоилась, что ты хладнокровный убийца.

Я напрягся, вспомнив слова Чаудера.

«Яблоко от яблони недалеко падает».

Биби ощутила, как изменилась атмосфера в комнате, и подняла голову, впери в меня взгляд мутных карих глаз.

– Я не хотела ставить тебя в неловкое положение, милый. Если бы Шайло слышала, что я сую нос в ее дела, она бы раскричалась. – Старушка мягко улыбнулась. – На столе свежее печенье. Пожалуйста, угощайся перед уходом.

На миг я подумал о близняшках Марианн Грир, живущих в квартире подо мной. Девочки любили печенье. Но я ни за что на свете ничего не возьму из этого дома. Я уже ощущал себя захватчиком, который ворвался в идеальное жилище и осквернял его одним своим присутствием.

– Нет, спасибо. Мне нужно идти.

– Дело твое, но в следующий раз я буду настаивать. Увидимся в понедельник, милый.

– Ага.

Я вышел и закрыл за собой дверь. Отгораживаясь от материнской улыбки мисс Баррера, ласковых слов и ее внучки, самого прекрасного создания, что я видел, черт возьми, за

множество уродливых лет.

«Она – собор, а я – разрушенный торговый центр».

Словно доказывая эту мысль, я зашагал к «Клиффсайду». После жилища Баррера цементный многоквартирный дом казался еще беднее, а моя собственная квартира походила на дурную шутку. Когда я только переехал, то отскреб ее до чиста, но налет бедности и одиночества проникал в каждый угол. Я попытался представить здесь Шайло.

«Этого не будет. Никогда. И ты это знаешь».

Да, я это понимал.

Дядя Нельсон повесил возле моей двери ящик для заявок на ремонт.

– Если вдруг ты заиграешься в школу и кому-то понадобится, – пояснил он, закатив глаза.

Кроме того, на случай неожиданностей у всех жильцов был номер моего мобильного. Но ящик пустовал, а телефон молчал.

Я приготовил замороженный ужин и пока ел, ожидая наступления ночи, что-то смотрел в телефоне. Около семи вечера внизу громко хлопнула дверь. Дочки Марианн Грир с визгом и хохотом носились по квартире, пока она готовила ужин.

Они заслужили дом как у Баррера. Теплый и безопасный, с шоколадным печеньем, испеченным в приличной духовке, а не принесенным живущим наверху чудачком.

«Они справляются как могут».

Я принял душ и, натянув майку и трусы, улегся на комковатый, пахнувший старой мочой матрас в спальне. И попытался хоть как-то справиться.

На следующий день я устранил отвратительный засор в туалете квартиры 2С. А потом передо мной замаячили остаток дня и ночь; бесконечное количество часов, которые нечем было заполнить. Меня охватило знакомое чувство пустоты. И я вдруг вспомнил о Хижине. Конечно, если Миллер не придет, я все еще буду один. Но лучше уж такое одиночество. Оно как-то чище.

Я зашел в мини-маркет, чтобы купить жидкость для розжига и пиво. Стоявший за прилавком молодой парень даже не спросил у меня документы. Вероятно, помогли татуировки, хотя я и так не выглядел на восемнадцать. Я даже не ощущал себя на свой возраст. Когда отец взял ту бейсбольную биту, он начисто выбил из меня детство.

Миллер появился в Хижине через час после меня. В руках у него был потрепанный футляр для гитары. Он сел на небольшой валун перед костром и положил футляр на колени.

– Я обнаружил ее в руках у Чета, – пояснил он в ответ на мой взгляд. – Теперь придется всюду носить с собой. Сюда. В школу. Чертов засранец.

Я вспыхнул при мысли о том, что отморозок – хахаль его мамы возился с этой гитарой. Я вспомнил слова Шайло: Миллеру нужны руки, чтобы играть. И сумею чего-то добиться. Сам-то я мало на что годился. Никаких талантов или особых навыков. Но Миллер был чертовски умен и тщательно раздумывал, прежде чем что-то сказать. Я чуть не попросил его сыграть, но вместо этого протянул пиво.

Несколько минут мы пили молча, а потом я заметил, что он, как и Шайло, разглядывал мои татуировки. Вот только с ее стороны было нечто большее, чем просто любопытство. Я ощущал это кожей, на которую устремлялся взгляд ее карих глаз, замечал в чуть приоткрытых губах...

«Прекрати».

Я отбросил мысли о Шайло и рассказал Миллеру свою историю. В произносимых мной словах ощущался вкус крови. Но Хижина была тем местом, где можно оставаться собой, пусть даже совсем ненормальным.

И все же я ожидал, что Миллер посчитает меня психом и больше не захочет общаться. Но он лишь молча принял мои слова. Да и что он мог сказать? Он не сумел бы изменить произошедшего. И сам я был не в силах ничего поделать. Шанс остановить отца упущен, и вернуть его уже нельзя.

Когда я, собрав побольше дров, вернулся обратно к костру, Миллер возился с гитарой.

– Давно пора, – проговорил я.

– Я не часто играю для других.

– Почему нет?

– Не знаю. Да ты и не захочешь слушать то дерьмо, что я написал.

Я бросил свежие дрова на тлеющие остатки зажженного ранее костра.

– Откуда ты, черт возьми, знаешь?

– Какую музыку ты слушаешь?

– Тяжелую. «Melvins». «Tool».

– Да, а играю я вовсе не это. По большей части я писал песни для девушки.

– Девушка. – Я открыл очередную бутылку пива и протянул ему. – Сейчас мне по-настоящему жаль, что ты не можешь напиться.

– Аминь, – проговорил он, и мы чокнулись бутылками с пивом. Из-за диабета Миллер мог выпить максимум две.

– Что за история? – спросил я.

– Ты просто назовешь меня слюнтяем, посоветуешь трахнуть другую девчонку и смириться с этим.

– Ага, все может быть.

Он рассмеялся, но потом тяжело вздохнул.

– Это попросту безнадежно. Она богатая и совершенная, а я бедный ублюдок, у которого не работает поджелудочная железа.

Я фыркнул от смеха.

– Ее зовут Вайолет, – продолжил Миллер, не отрывая взгляда от огня. – Когда мне было тринадцать, я обмочился

и потерял сознание на ее заднем дворе. А когда очнулся в больнице, увидел, что она сидела рядом и выглядела неважно. Она плакала из-за меня. Потому что беспокоилась, понимаешь?

Я не понимал. У меня никогда не было девушки, которая бы проливала надо мной слезы. Я даже представить себе этого не мог.

— В тот миг я понял, что она создана для меня. Навсегда. — В голосе Миллера появилась горечь. — И в тот же день мы поклялись на крови, что останемся друзьями. Идея Вайолет. — Он стянул шапку и провел рукой по каштановым волосам. — Как-то так.

— Ага. Тебе определенно нужно трахнуть другую девчонку и смириться с этим.

Мне не хотелось лезть в его дела, ведь и он не вмешивался в мои. Но я помнил, сколько раз мама собиралась забрать меня и убраться от отца ко всем чертям. И все же она этого не сделала. А потом, в один прекрасный день, стало уже слишком поздно.

— Нет, это полная чушь, — произнес я. — Ты должен ей сказать.

Миллер нахмурился.

— Она одержима мыслью о том, чтобы мы были друзьями. И думает, что, если попытаемся стать чем-то большим, это нас погубит.

— И что? Все равно скажи ей.

– Не могу. Она прибьет меня, и ничто уже не будет как прежде. Хотя, по-моему, все и так полетело к чертям.

– Тогда не говори с ней, – посоветовал я. – Просто... ну, не знаю. Поцелуй ее.

В мыслях тут же возникли идеальные губы Шайло. Я сделал глоток пива, чтобы смыть во рту ее воображаемый вкус.

– Ни за что, – проговорил Миллер.

– Да почему нет, черт возьми?

Он сделал кислое лицо.

– Ну, для начала, эти дурацкие границы. Она недвусмысленно сообщила мне о своих чувствах. Друзья. И я должен это уважать.

Я фыркнул и допил пиво.

– Но что я могу поделать? – с несчастным видом спросил Миллер. – Я же говорил, мы поклялись на крови.

– Когда были детьми. Она хоть подозревает, что нравится тебе?

– Я бы так не сказал.

– И где она сейчас?

– Не знаю. – Миллер пнул лежавший у ног песок. – Сегодня будет вечеринка. Она придет туда.

– Так иди на вечеринку и поговори с ней.

– Я просто сказал...

– Ты должен бороться, парень, – проговорил я. Практически прокричал.

Словно из ниоткуда пришло видение: окровавленная ма-

ма неподвижно лежала на кухонном полу. А я полз по заляпанному кровью линолеуму, чтобы ей помочь. Вот только я опоздал.

– Сражайся, – продолжил я, – потому что, в противном случае, будет слишком поздно. А это означает лишь чертову смерть.

Миллер потрясенно уставился на меня. Я отвернулся и заставил разжаться стиснутые в кулаки руки. Я ждал, что он велит мне вместе с безумными речами убираться ко всем чертям.

Но он этого не сделал.

– Я нужен ей в качестве друга, – произнес он через минуту. – Она нуждается... во мне.

– Значит, ты как выучный мул. Тащишь все ее дерьмо и пытаешься облегчить ей жизнь, потому что заботишься о ней. А как же ты сам?

Миллер попытался что-то сказать, но потом замолчал. О чем-то задумался. Наконец он убрал гитару обратно в футляр и встал.

– Хочешь пойти со мной? – спросил он. – Ну, вероятно, там будет кучка пьяных качков, играющих в пив-понг⁷ под дерьмовую музыку.

– Я пойду, – проговорил я, забрасывая огонь песком. – Я

---

⁷ Пив-понг – игра, цель которой попасть шариком для пинг-понга в кружки с пивом, стоящие на половине стола соперника. Тот, в чью кружку попали, выпивает ее.

же сказал, что прикрою тебя.

– Почему?

Я пристально уставился на него. После всего, что Миллер обо мне узнал, он все еще спрашивал, почему я взял на себя труд общаться с ним.

– Ты не бесишь меня до чертиков, – резко ответил я. – Этого достаточно?

Он усмехнулся.

– Вполне.

Чтобы Миллер не увидел моего лица, я быстро отвернулся и подхватил свою куртку.

Вечеринка оказалась именно такой, как предсказывал Миллер. Ченс Блейлок, центральный игрок футбольной команды, в начале каждого года приглашал к себе половину школы. Пьяные футболисты играли на кухне в пив-понг, а в каждом уголке огромного дома слышались доносившиеся из динамиков звуки популярных песен. Мы протиснулись сквозь толпу танцующих, Миллер в темноте высматривал лицо Вайолет.

Я вдруг понял, что осматриваю толпу в поисках знакомого лица.

«Отстань от нее».

Мы выбрались во внутренний дворик, где висели фона-

ри. Толпа поредела; собравшиеся, сгрудившись в небольшие группы, пили и болтали у бассейна.

– Я ее не вижу, – проговорил Миллер, присаживаясь на край шезлонга. – Это была дурацкая идея.

Я заметил промелькнувшее в кухне красное платье и кивнул в ту сторону.

– Там.

Миллер взглянул, и при виде Вайолет лицо его смягчилось. Я опустил глаза. Мне казалось неправильным вторгаться в нечто настолько личное. Или незнакомое.

Он тяжело вздохнул.

– Ну, была не была. Присмотришь за гитарой?

– Ага.

Миллер направился в кухню, а я огляделся вокруг в поисках пива. У бассейна стояло ведро со льдом, среди белых кубиков виднелись зеленые горлышки бутылок. Я подхватил футляр Миллера и направился туда, но пьяно спотыкающийся парень меня опередил. Он взял пиво, а потом заморгал, тупо глядя на меня.

– Ни фиги себе... Ты вышибала? – Он загоготал прямо мне в лицо. – Эй, смотрите! Блейлок нанял вышибалу.

– Отвали.

– Не, серьезно, – невнятно проговорил парень. – Ты сбежал из тюрьмы или что? Я слышал...

Я выдернул у него из рук бутылку пива и оттолкнул парня. Резко вскинув руки вверх, он упал навзничь... прямо в

бассейн. Когда парень, отплеываясь, вынырнул на поверхность, собравшиеся во внутреннем дворике засмеялись.

— Чувак... Какого хрена?

Я отсалютовал ему бутылкой пива и, не обращая внимания на доносившиеся вслед проклятия, направился обратно к шезлонгу. Через несколько минут изнутри раздались призывные возгласы, а потом вернулся Миллер. Он выглядел так, словно кто-то помочился в его тарелку с хлопьями.

— Ну что?

— Я вел себя как ревнивый придурок, оскорбил ее. И теперь она собирается участвовать в этой дурацкой игре с чуланом, где гребаный Ривер Уитмор будет ее целовать. А может... и не только.

— Значит, все прошло удачно. — Он хмуро посмотрел на меня, и я пояснил: — Вечер еще не закончился. Тоже сыграй в эту игру.

Миллер фыркнул.

— Нет уж, черт возьми.

— Ты не хочешь играть, но будешь смотреть и изводить себя. — Я отхлебнул пива. — Надежный план.

— Отстань. Я должен остаться и убедиться, что она в порядке.

Это я понимал.

Миллер схватил футляр и направился обратно в дом. Он уселся в углу гостиной, где ребята, собравшись кружком, курили, и положил гитару на колени. Я встал рядом с ним, как

часовой, на случай, если появится этот придурок Фрэнки. Непроизвольно я оглядел толпу, и взгляд зацепился за стройную девичью фигурку, по рукам которой, в такт исполняемому ею танцу, скользили браслеты. Сердце глухо стукнуло в груди. Но тут девушка попала в полосу света, и я заметил бледную кожу и светло-каштановые волосы.

– Болван, – пробормотал я.

– Привет! – Рядом с Миллером плюхнулась тощая блондинка с длинными волосами в платье до пят. – Я Эмбер.

– Миллер, – пробормотал он.

– Ты нам что-нибудь сыграешь?

Он не обратил на нее внимания, устремив взгляд в центр гостиной, где какая-то цыпочка по имени Эвелин объявила игру «Семь минут на небесах». Я проследил за безнадежным взглядом Миллера и уткнулся в Вайолет. Милая девушка. Приятное личико. И когда она шагнула в чулан с королем спортсменов, Ривером Уитмором, я ощутил, как от сочувствия к Миллеру что-то заняло в груди.

– Значит, вот как, – пробормотал Миллер.

Я присел рядом с ним на корточки.

– Это всего лишь игра. Поговори с ней, когда она выйдет.

– Она поцелует его там, – печально проговорил Миллер. – Ее первый поцелуй.

– Так поцелуй ее лучше. Но не отпускай.

Он прищурился, глядя на меня.

– У тебя есть девушка? Кто-нибудь в Висконсине?

– Я не имею дела с девушками.

Миллер нахмурился, и я понял, о чем он подумал. Я чересчур усердно лез со своими советами по поводу отношений. И пусть мне не суждено было иметь нечто доброе и настоящее, отношений Миллера это никоим образом не касалось.

Вайолет вышла из чулана со странной улыбкой на лице. Она бросила страдальческий взгляд на Миллера, и он тут же сделал вид, что ему плевать, и повернулся к сидящей рядом с ним тощей блондинке.

– Ну что? – Эмбер положила руку ему на плечо. – Ты умеешь играть на гитаре или она просто для украшения?

Мне бы тоже хотелось послушать его игру. Думаю, что бы ни исполнил Миллер, все было бы лучше, чем доносившаяся из динамиков дрянь.

Миллер оглядел гостиную. Вайолет уже ушла. Игра с чуланом закончилась, и все направились на кухню вслед за королем футбола.

– Э-э, да, – проговорил он, но выглядел при этом огорченным. – Да, я сыграю. Почему бы и нет, черт возьми.

Эмбер захлопала в ладоши.

– Круто!

Когда Миллер запел песню «Yellow» группы «Coldplay», собравшиеся неподалеку от нас притихли. Конечно, не моя тема, но, черт возьми, парень умел петь. Он изменил песню, превратив ее в нечто иное, создав из нее собственную ком-

позицию. Каждая чертова строчка рассказывала историю о нем и Вайолет.

Сквозь шум вечеринки пробился звон разбитого стекла. Модно одетый парень с серебристыми волосами застыл на обеденном столе, у ног его валялась разбитая бутылка. Я слышал, как шептались о нем люди у бассейна. Его звали Холден, и он, как и я, был в школе новеньким.

– Заткнитесь все, мать вашу! – проревел Холден. Он не сводил пьяного взгляда с Миллера.

Остальные последовали его примеру.

И все затихли, слушая игру Миллера. Он не пропустил ни одной ноты. В гостиную из задней части дома вбежала Вайолет и резко замерла, на лице ее отразилось узнавание.

«Потому что это – их песня».

Миллер поймал ее взгляд и запел, обращаясь прямо к ней: – *«Ради тебя я бы истек кровью».*

Это могло бы стать моим девизом. Отдать всю кровь до капли ради тех, о ком я заботился. Уже слишком поздно спасти мою мать, и мне остались лишь печаль и злость. Эта злость, так похожая на отцовскую, струилась по венам. Она вспыхнула и продолжала гореть. Мне так хотелось погасить ее совсем, но не получалось. И я мог сделать лишь одно – направить ее на защиту тех, кто в этом нуждался. Так поступил и Миллер. Через струны гитары он излил свои чувства любимой девушке.

Расплакавшись, Вайолет побежала к выходу. Миллер рез-

ко оборвал песню и встал, намереваясь последовать за ней. Кто-то задержал его возле двери.

– Полюбуйтесь, кто явился на вечеринку. Куда ты убегаешь, Стрэттон?

Фрэнки Дауд.

Моя злость вспыхнула, как пламя, в которое плеснули бензином. Я стряхнул с себя куртку и хрустнул шеей вправо и влево.

«Вперед».

– Отвали, придурок, – прорычал Миллер Фрэнки.

– Или что? Попросишь своего каторжника-телохранителя снова меня побить?

Я фыркнул. Этот идиот меня не заметил. Я встал перед Миллером и скрестил руки на груди, холодный и невозмутимый, хотя внутри бушевало пламя.

На носу у Фрэнки виднелась повязка, под глазами залегли синяки. Увидев меня, он явно испугался.

– Чувак, ты труп. Ты понятия не имеешь, кто я.

– Я знаю, кто ты, – проговорил я. – Мне это прекрасно известно.

«Трусливый, дрянной сучонок, который пытался помешать моему другу принять лекарство».

Прошло несколько секунд. В воздухе все сильнее нарастало напряжение. А потом из соседней столовой донесся вопль.

– Чувак! Какого хрена ты творишь?

Все взгляды устремились на Холдена, который отбивал чечетку на обеденном столе из красного дерева, пьяно напевая «Singing in the Rain». Осколки стекла под его ногами впивались в древесину. Рядом застыл Ченс Блейлок, широко раскрытыми глазами рассматривая повреждения.

– Черт возьми, родители меня прибьют, – кипел Ченс. – Кто-нибудь идите сюда и помогите согнать со стола этого придурка.

Из кухни появился Ривер Уитмор. Они вдвоем попытались схватить Холдена, который, несмотря на то что, кажется, выпил в одиночку половину бочонка, легко держался за пределами досягаемости.

– Ты труп, ублюдок, – прорычал Фрэнки, вновь привлекая к себе мое внимание. Из кармана пляжных шортов он вытащил полицейский электрошокер.

Миллер поднял руки вверх.

– Эй, постой...

Фрэнки рванулся вперед. Я отклонился вправо и, вскинув левую руку вверх, выбил электрошокер из рук парня. Я схватил Фрэнки за ворот рубашки и оттащил от Миллера. Безумец с серебристыми волосами протанцевал к кофейному столику в гостиной, но едва ли кто обратил на него внимание. Ярость, отпущенная теперь на свободу, струилась сквозь меня во Фрэнки. Он споткнулся и упал, и я полетел на пол вместе с ним. Мы сцепились друг с другом, нанося удары всюду, куда могли дотянуться. И стоило его кулаку до-

стигнуть цели, я ощутил вспышку боли и обрадовался ей так же сильно, как когда мне самому удавалось его зацепить.

Что случалось гораздо чаще.

Драка была нечестной; я мог бы выбить все дерьмо из того парня...

«И как далеко ты зайдешь? – раздался в воцарившемся хаосе голос. – Ты собираешься его убить? Каков отец, таков и сын...»

Потом возник Ченс и потянул Фрэнки прочь. В это время Ривер попытался оттащить меня, но я вырвался и грубо его оттолкнул.

– Черт побери этого парня, – закричал Фрэнки, высвобождаясь из хватки Ченса, из его носа снова сочилась кровь. – Ты труп. – Он подхватил с кофейного столика разбитую пивную бутылку и наставил ее на меня. – Я убью тебя, ублюдок!

Фрэнки неуверенно ткнул бутылкой в моем направлении, и собравшиеся ахнули. Я ощутил боль в верхней части левого предплечья, и по жилам вновь потек пылающий огонь.

Я посмотрел на свою руку и, отметив кровоточащий порез, вновь перевел взгляд на Фрэнки.

– Ты совершил ошибку.

Голос мой прозвучал совершенно спокойно, и Фрэнки потрясенно уставился на меня. А потом сделал шаг назад, бутылка дрожала в его руке.

«Не уподобляйся ему...» – откуда-то издалека умоляла мама. Но она умерла. Потому что я ничего не сделал.

Хватит бездействовать...

Я сжал кулаки, готовясь нанести удар. Но внезапно между нами возник Холден. Под длинным пальто виднелась дорогая на вид рубашка, за вырез которой он тут же дернул. Во все стороны полетели пуговицы. Глядя на Фрэнки широко раскрытыми, безумными глазами, он обнажил левую сторону груди.

– Вот сюда, – прошипел он и постучал по грудной клетке, под которой скрывалось сердце. – Вонзи ее прямо сюда. Вперед. Давай. Ну давай же.

Я уставился на этого парня. Внешне он абсолютно не походил на меня, но в нем отражался тот же раздрай. Я словно наблюдал эмоции, не скрытые телесной оболочкой. На долю секунды я подумал, что Фрэнки примет предложение Холдена.

«Нет! Меня. Не его».

Я подался вперед, намереваясь оттащить Холдена в безопасное место, но Миллер оказался быстрее. Он шагнул в наш маленький круг психопатов и, взяв Холдена за руку, произнес успокаивающим тоном:

– Эй, приятель. Пойдем. Ну же...

Холден вырвался из рук Миллера, запахнул пальто и сунул в рот сигарету. Он ухмыльнулся.

– Не одолжите огоньку?

– Что за... – Ченс тупо моргнул, а потом его губы скривились от ярости. – Убирайтесь. Вы трое. Валите из моего

дома к чертовой матери.

Холден сделал вид, что обиделся.

– Как грубо.

У Миллера вырвался смешок, и я вдруг почувствовал, что и сам вот-вот готов рассмеяться.

– Убирайтесь отсюда! – проревел Ченс.

При этих словах Миллер и Холден бросились бежать, го-
гоча как идиоты. Я же не стал торопиться. Подхватив свою
куртку, я бросил на Фрэнки предупреждающий взгляд, яс-
но говорящий, что, стоит тронуть кого-нибудь из них, и ему
будет больно. По пути к двери на глаза мне попался желтый
электрошокер. Не сбавляя шага, я поднял его и сунул в кар-
ман куртки.

– Ты покойник, Венц, – крикнул Фрэнки мне вслед. – Ты,
черт возьми, труп!

Миллер и Холден валялись на лужайке перед домом, сме-
ялись, глядя в небо, и знакомились.

– Кажется, мы официально не встречались. Холден Пэ-
риш.

– Миллер Стрэттон.

Они пожали друг другу руки, и Холден указал подбород-
ком на меня.

– А кто этот грубиян?

– Ронан Венц, – выдавил Миллер, не переставая смеяться.
Холден вытянул руку вверх.

– Очень приятно.

– Чокнутые паршивцы, – проговорил я, и они расхохотались еще сильнее.

Пока они приходили в себя, я не сводил глаз с входной двери. По тыльной стороне ладони потекла теплая струйка крови, и я вытер ее о джинсы.

– Как тебе это удалось? – спросил Холден Миллера.

– Удалось что?

– Так сыграть и спеть. Это было... гребаное чудо.

– Ничего особенного. Все слышали эту песню. Ей уже миллион лет.

Холден покачал головой.

– Песню-то слышали, но ты вложил в нее сердце и душу. Подобное не каждый день услышишь.

Аминь. У меня не нашлось слов, чтобы сказать Миллеру правду, но Холден сумел. Он говорил за нас обоих.

Вдруг с шумом распахнулась входная дверь, и на улицу вышла футбольная команда.

– Я сказал, убирайтесь на хер с моей территории! – в ярости прокричал Ченс.

Миллер и Холден вскочили на ноги, и тут я услышал их. Полицейские сирены. Вдалеке, но они приближались. Я ощутил, как весь покрылся холодным потом. На меня вновь нахлынули воспоминания о том дне, десять лет назад, настолько ясные, будто все случилось вчера.

Моя мать на кухонном полу. Кровь...

Вокруг было так много крови, и мама не двигалась. А потом раздался вой сирен. Звук помощи. Слишком поздно, слишком поздно...

Я стоял на траве, едва способный пошевелиться. Я смутно отметил, как Эмбер протянула Миллеру футляр с гитарой, а Холден бросился к нам.

– Нужно уходить.

Ощущая себя пьяным, я последовал за ним и Миллером к черному седану, припаркованному на другой стороне улицы. За рулем ждал водитель в униформе.

– Добрый вечер, Джеймс, – проговорил Холден, когда мы забрались на заднее сиденье; он втиснулся между мной и Миллером. – Не будешь ли ты так любезен увезти нас с близлежащей территории?

Дверцы машины захлопнулись, и звук сирен стал наполовину тише, но все еще оставался слышимым. Я отвернулся к окну и закрыл глаза, не желая видеть ничего, кроме черноты. Только не ее. Не окровавленную битую, катившуюся по залитому кровью полу...

– Домой, сэр? – спросил Джеймс и быстро поехал вперед, увозя нас с места происшествия. Вскоре вой сирен затих вдали, и я облегченно выдохнул.

– Нет, черт возьми, – проговорил Холден. – Что скажете, джентльмены?

Миллер склонил голову и взглянул на меня, в глазах его

читался вопрос. И ответ был лишь один. Я кивнул.

– Ко мне домой, – произнес Миллер и назвал Джеймсу адрес.

Джеймс припарковал машину у дерьмового жилищного комплекса, как две капли воды походившего на мой, и мы выбрались наружу.

Холден окинул взглядом здание.

– Уютно. Продолжение вечеринки в «У Стрэттона»?

– Не совсем, – проговорил Миллер. – Сколько Джеймс будет ждать?

– Сколько мне понадобится. – Холден зажег сигарету. С гвоздикой, судя по тошнотворно-сладкому запаху. – Не бойтесь, время Джеймса прилично оплачивается.

Миллер бросил на меня еще один взгляд. Я кивнул.

– Ладно. Пойдемте, – проговорил он.

И мы отвели Холдена в Хижину, потому что теперь она принадлежала и ему.

Глава 5

Шайло

Выходные пролетели, а я ничего не слышала о Вайолет. Она не отвечала на сообщения. Ее звонки переводились на голосовую почту. В понедельник она опоздала на урок истории. Но Вайолет никогда не опаздывала. Похоже, на вечеринке произошло нечто ужасное, и меня охватили страх и чувство вины.

Баскин начал перекличку.

– Ватсон?

– Здесь.

– Венц?

– Здесь.

Когда позади прозвучал единственный слог, произнесенный глубоким, грубым голосом, я застыла. Каким-то образом я пропустила его приход. По спине пробежала дрожь.

«Не становись посмеищем».

И все же я не смогла сдержаться и оглянулась через плечо, как Молли Рингуолд в «Шестнадцати свечах», украдкой взглянувшая на Джейка Райана. Ронан примостился за угловым столом в последнем ряду. Он скрестил руки на груди, в спокойном взгляде угадывалась настороженность, вызванная всеобщим вниманием; не одна я обернулась, чтобы на него посмотреть.

Я поймала взгляд серых глаз Ронана. Но когда приветственно махнула ему, парень отвернулся.

«Ладно. Вот и поговорили».

Когда Баскин закончил переключку, в кабинет поспешно вошла Вайолет. Я облегченно вздохнула. Судя по виду, с ней все в порядке, разве что немного устала.

– Макнамара... – нараспев произнес Баскин.

– Простите! – Вешая сумку на спинку стула, она заметила Ронана. – Он настоящий, – прошептала она мне.

«Ты совершенно права».

– Он – тот парень, которого наняла Биби, чтобы построить мне сарай для работы, – прошептала я в ответ. – И ты бы это знала, если бы в выходные ответила на мои сообщения.

– Да, прости. Я просто... очень устала, приходила в себя после вечеринки. Но что, правда? Он работает в твоём доме?

– Забудь о нём, – проговорила я, желая, чтобы все оказалось так чертовски просто. – Я беспокоилась о тебе.

– У меня все хорошо, – сказала Вайолет. Она взглянула на Баскина, по-прежнему сидевшего за столом. Что-то бормоча себе под нос, он раскладывал свои записи. – Но на вечеринке творилось безумие. Новый парень, Холден, устроил то ещё зрелище. Он расколотил бутылку на обеденном столе Блейлока и станцевал чечетку на осколках.

– Он мне уже нравится.

– Ченс о нём другого мнения, – хихикнула Вайолет. – И ты не согласишься, но Миллер впервые играл на гитаре... в полном людях доме. Он спел нашу песню. «Yellow». – Её темно-синие глаза на миг затуманились, и я тут же поняла, от чего она приходила в себя. – По словам Эвелин, когда я ушла, все стало ещё хуже. Драка на ножах или что-то в этом роде.

– Драка на ножах?

– Между Фрэнки, Холденом и твоим новым рабочим.

Мне пришлось приложить все усилия, чтобы вновь украдкой не взглянуть на Ронана. Я могла бы поклясться, что ощущала его твердость и силу даже через несколько рядов.

Шепоток внутри вдруг задался вопросом, не ранен ли он.

«Да прекрати. Если уж на то пошло, лучше беспокойся о Фрэнки».

– Похоже, я пропустила все самое интересное.

– Можно и так сказать. Ривер пригласил меня на бал.

Я нахмурилась, заметив на лице Вайолет неуверенность.

– Это ведь хорошо, правда? Часть твоего великого плана?

Она чуть улыбнулась.

– Да, точно. Мой великий план.

Баскин встал перед классом. Я смотрела прямо вперед, думая о собственном великом плане, в котором никого не было.

– Ваше первое серьезное задание в этом году – курсовая о русской революции, – проговорил Баскин. – Подробности оставляю вам, но работа должна составлять не менее десяти листов печатного текста с одинарным интервалом.

Класс дружно застонал.

– Предупреждаю. Эта курсовая составит пятьдесят процентов оценки за первый семестр. – Он взглянул на нас поверх очков. – Так что советую постараться.

После урока мы быстро направились к выходу. Мне хотелось оказаться подальше от Ронана Венца и всех непрошенных мыслей, что из-за него лезли в голову. Вайолет же нужно было попасть в дом Уитморов, где она, будучи волонтером, заботилась о пациентке. В рамках медицинской программы Калифорнийского университета ей поручили три дня в неделю ухаживать за мамой Ривера.

– У Нэнси рак печени, – пояснила Вайолет, когда мы направились к студенческой парковке. – И в этом нет ничего хорошего.

– О, боже, мне очень жаль, – проговорила я. – Похоже, тебе придется непросто. Ты к этому готова?

– У меня нет выбора. Если я не научусь справляться с трудностями, то никогда не стану врачом. – Она обняла меня. – Позвони мне вечером, поболтаем. И ты сможешь рассказать все о Ронане. Я видела его сегодня вместе с Миллером. Полагаю, они теперь сдружились. Холден тоже с ними. Эвелин называет их Пропащими ребятами.

– Эвелин просто нечем заняться.

– Я просто рада, что Миллер завел себе одного... или двоих... друзей.

– Так называемые Пропащие ребята не смогут заменить тебя. Ваша дружба особенная, и Миллер это знает.

Она чуть улыбнулась, вовсе не убежденная в моей правоте. Мне так и хотелось сказать ей, что одним лишь словом она может превратить свою дружбу с Миллером в нечто большее. Но меня это не касалось. Не говоря уж о том, что я вовсе не была экспертом в вопросах отношений.

«Сначала ты сама должна в них поверить».

Мы разошлись в разные стороны. Вайолет направилась к белому внедорожнику, выпущенному в этом десятилетии, а я – к «Бьюику» Биби, разменявшему уже не один десяток лет.

По пути домой я включила «Let Me Blow Ya Mind». Когда мы с Вайолет были детьми, то с ума сходили от этой песни. Ей нравилось представлять меня Евой, а сама она была Гвен Стефани.

«Я тоже не смогу ее заменить».

Но она может променять меня на Эвелин Гонсалес. Я поклялась позвонить Вайолет и рассказать ей все о строящем сарае Ронане. Может, я даже поделюсь с ней тем, что немного думала о нем в эти выходные.

Совсем чуть-чуть.

Очевидно, вселенная решила меня испытать. На правой стороне дороги возникла высокая темноволосая фигура в джинсах, ботинках и простой белой футболке. Через плечо свисала джинсовая куртка на флисовой подкладке, которую парень чуть придерживал за воротник.

«Вот черт».

Ронан Венц шел не быстро, но и не медленно. Ровным шагом. Глядя прямо перед собой. У меня сложилось странное впечатление, что он походил на путешествующего автостопом в бесконечном пути через всю страну, который ждал, когда кто-нибудь его подберет, но не особо на это надеялся.

А потом я поняла, что он, вероятно, направлялся ко мне домой.

«Черт-черт-черт!»

– Учись справляться с трудностями, – пробормотала я и остановилась в нескольких футах впереди Ронана. Я выключила

чила музыку и опустила стекло со стороны пассажирского сиденья.

– Привет. Тебя подвезти?

Ронан остановился и уставился на меня. Он нахмурил брови, и на его лице появилось странное выражение.

– Не нужно меня подвозить.

– Но ты этого хочешь?

Он рассматривал дорогу перед собой.

– Ты ведь идешь ко мне, верно?

Он кивнул.

– А если я тебя не подвезу, как это будет выглядеть? Я приеду домой, а ты еще двадцать минут будешь шагать по жаре. Биби решит, что я – настоящая задница.

Поколебавшись еще пару мгновений, Ронан забрался в машину. И тут же все пространство наполнилось им. Типичным запахом мыла и, чуть слабее, дыма от костра. Я крепче вцепилась в руль, сполна ощутив его неприкрытую мужскую суть.

«Я явно пожалею об этом решении».

– Спасибо, – проговорил Ронан.

– Скорее ты делаешь одолжение мне. Я бы предпочла, чтобы бабушка не считала меня задницей.

Он не улыбнулся. И даже не взглянул в мою сторону.

– Не возражаешь, если я опущу окно? – через минуту спросил он.

– Да пожалуйста.

Чуть ухмыльнувшись, он покрутил ручку на дверце – в машине не было ничего автоматического.

– И о чем ты думаешь? – вскинув брови, спросила я.

– Милая машинка, – невозмутимо произнес Ронан. – Какой это год? Восемьдесят второй?

– Чтоб ты знал, восемьдесят четвертый. И она еще на ходу.

– Я почти уверен, что пешком дошел бы быстрее.

У меня вырвался потрясенный смешок. Я даже представить не могла, что у Ронана Венца есть чувство юмора. Похоже, я ошибалась.

– Ты только что оскорбил мою машину?

– Да.

Я бросила на него строгий взгляд, пытаюсь не рассмеяться.

– Тебе придется направить жалобы Биби. Формально эта «милая машинка» принадлежит ей, хотя бабушка и не может больше ее водить.

– Потому что ей место в музее?

– Очень смешно. Если моя машина так оскорбляет твои чувства автомобилиста, не стоило в нее садиться.

– Так я согласился, чтобы Биби не считала тебя задницей.

– Значит, из жалости.

– В тебе нет ничего, вызывающего жалость.

Ронан смутился, словно эти слова вырвались у него бездумно. Внезапно в машине повисло напряжение, убивая прежнее легкое настроение. Но, несмотря на это, я ощутила, как в груди против воли разлилось тепло.

Я быстро перевела взгляд обратно на дорогу. Но тут мое внимание привлек темно-бордовый рубец, покрытый засохшей кровью, на верхней части левого предплечья Ронана. Порез был почти шесть дюймов⁸ длиной и изогнут, словно крюк. Поверх него кто-то неуклюже приклеил два кусочка лейкопластыря, напоминавших мосты через тонкую красную реку.

«Он ранен...»

Я мысленно отругала себя за подобную мягкость. Вероятно, во мне просто говорил тип личности А⁹, требуя позаботиться о парне.

«О ране. Позаботься о ней. Не о нем».

– Я слышала, вечеринка в субботу вышла немного безумной, – проговорила я.

– Можно и так сказать.

Я кивнула на порез.

– А это подарок на память?

– Это пустяк.

– Непохоже на пустяк. И покраснение по краям...

– Ничего страшного, – проговорил он. – Забудь.

Я могла бы разозлиться, но за грубым тоном скрывалась аура одиночества, которую я заметила еще при первой встре-

---

⁸ Шесть дюймов – примерно 15,5 см.

⁹ Данный тип связан с такими личностными особенностями, как напряженная борьба за достижение успеха, соперничество, легко провоцируемая раздражительность, повышенная ответственность, агрессивность.

че. Словно он не привык, что кто-то беспокоился о нем.

Я не стала настаивать и свернула на ведущую к дому подъездную дорожку. Из гаража мы прошли в кухню, Ронан шагнул позади меня.

– Биби, мы дома. Ну, точнее... я дома. С Ронаном.

«Боже, девочка...»

Ответа не последовало. Я прокралась по коридору и увидела, что дверь в спальню Биби закрыта. Значит, она легла вздремнуть. К тому времени когда я вернулась в гостиную, Ронан уже был на заднем дворе, выравнивая граблями клочок земли, с которого убрал всю растительность.

Мне тоже нужно заняться работой и сосредоточиться на важном – своем возможном бизнесе. Но Ронан поднимал граблями пыль и грязь, и я не могла отвести взгляда от пореза на его руке с пятнами засохшей крови и унылыми кусочками пластыря.

– Этот громила-болван его даже как следует не промыл, – пробормотала я.

Не обращая внимания на старую добрую настороженность и желание оградить себя, я достала из шкафчика в своей ванной комнате спирт, ватные шарики, марлевые салфетки, бинт и мазь с антибиотиком. Спустившись во двор, я положила все это на столик в патио.

Ронан остановился и, прищурившись, взглянул на меня.

– Для чего все это?

– Чтобы обеззаразить твой порез.

– Ты не обязана, Шайло, – тихо проговорил он.

– Не обязана. Но почему бы и нет?

Казалось, он не знал, как на это реагировать. Он отложил грабли в сторону и неохотно, словно через силу, опустился на стул. Я села рядом с ним и осторожно отлепила маленькие кусочки пластыря.

– Так что все-таки произошло?

– На вечеринке случилась заварушка.

– Мягко сказано. – Я придвинула свой стул ближе к Ронану и, перевернув бутылку со спиртом, намочила ватный шарик. – Вайолет сказала, ты дрался на ножах.

– Никаких ножей. Фрэнки Дауд бросился на меня с разбитой бутылкой.

– Как это началось? – ухмыльнувшись, спросила я. – Ты оскорбил его машину?

Он почти улыбнулся. Еще бы чуть-чуть и...

– Он доставал Миллера. Снова.

Я положила руку на предплечье Ронана и осторожно промокнула рану, стараясь не замечать бугрящихся под кожей мышц.

– Надеюсь, ты его не убил, – проговорила я, и он вздрогнул. Я решила, что от вызванного спиртом жжения.

– Нет, – тихо произнес он. – Холден отвлек его внимание.

– Миллиардер Холден?

– Холден – чокнутый засранец, – проговорил он, но в его голосе явственно прозвучала привязанность.

– Пропавшие ребята, – произнесла я, вытирая засохшую кровь. – Так Эвелин Гонсалес называет вас троих.

Ронан ничего не сказал, но мне подумалось, что он не так уж и сильно возражал против этого прозвища. Какое-то время парень сидел молча, а потом признался:

– Я искал тебя.

Я ощутила, как дрогнули касавшиеся его кожи руки, а щеки вспыхнули жарким румянцем.

«Он искал меня?»

– Я... не пошла. Не могу пить, а для этого в основном и устраивают вечеринки.

– Почему ты не можешь пить?

– У меня какая-то странная аллергия на алкоголь, – пояснила я. – Даже после глотка пива я могу полностью опьянеть, а потом очень быстро наступает похмелье.

– Это хреново.

– В любом случае, такие вечеринки не для меня.

«Но он меня искал...»

Я покачала головой и сосредоточилась на деле, стараясь не думать о словах Ронана и о его низком голосе.

– Аналогично. Я пошел туда ради Миллера.

Я закончила промывать порез и взяла мазь с антибиотиком. Ронан наблюдал, как я намазала на рану жирную субстанцию, хотя он вполне мог справиться и сам. И мы оба это знали.

– Я начинаю думать, что следовало пойти туда ради Вай-

олет.

– Да?

– С детских лет мы были лучшими подругами. Но... не знаю. Кажется, ей неплохо с Эвелин.

– Она и Миллер...

– Тут все сложно. – Я открыла упаковку марлевых салфеток и подвинула ближе к себе опирающуюся на стол руку Ронана. – Но не стоит обсуждать это у них за спиной. Им нужно самим во всем разобраться.

– Он в нее влюблен, – проговорил Ронан.

Я резко подняла голову, услышав в грубом голосе мягкость. Я поймала взгляд его серых глаз, и парень пожал плечами:

– Но так и есть.

Я быстро отвернулась и продолжила свое занятие.

– Я знаю. И она тоже его любит. Но по определенным причинам не хочет ничего менять. Чтобы обезопасить себя. И я могу это понять.

– Почему?

Я вздернула бровь.

– Ты всегда настолько прямолинеен?

Он пожал плечами.

– Я не фанат вранья.

– Вообще-то я тоже.

– И?

– Я могу понять осторожность Вайолет, потому что и сама

не хочу связываться ни с кем и ни с чем, способным отвлечь меня от достижения целей, – пояснила я. В присутствии Ронана следовало заявить о своей независимости.

– Твоя цель – драгоценности, – произнес он.

Я кивнула.

– Хочу открыть свое дело. Но женщине с этим непросто, а тем более цветной. Поэтому я много работаю. Не только чтобы сделать мечту явью, но и доказать всем, что я на это способна.

В дымке передо мной возникло лицо мамы, но я от него отмахнулась.

– Как бы то ни было, – продолжила я, накладывая на марлю полоски бинта, чтобы удержать ее на месте, – я сочувствую Миллеру, но понимаю мотивы Вайолет. – Подняв глаза, я заметила, что Ронан разглядывал меня, лицо его было непроницаемым. – Ты не согласен? – Он пожал плечами. – Так ты романтик?

– Нет, – решительно проговорил он. – Но мне не нравится видеть, как он страдает.

– А-а, значит, просто добряк.

– Тоже нет.

Я отложила бинт и посмотрела ему в глаза.

– А какой ты?

Мне хотелось это знать. Моя прагматичная натура стремилась понять, что такого, черт возьми, имелось в Ронане Венце и почему я не могла выбросить его из головы. Проще

всего было списать это на сексуальную привлекательность, но в нем угадывалось нечто большее. Он, словно радиоактивный элемент, одним своим присутствием перестраивал мои атомы, и я сама себя не узнавала. Волновалась, не находила себе места и краснела, черт побери...

– Я – пустое место, – проговорил он.

– Такого не бывает.

– Мне было восемь, когда умерли родители. И пока на горизонте не возник мой дядя, я десять лет мотался по приемным семьям. С тех пор я многое пытаюсь понять.

– Десять лет в приемной семье?

Он кивнул.

– Боже, не могу себе представить, – проговорила я. Он напрягся, и я поняла, что ему тоже вовсе не хотелось это представлять. – Но я знаю, о чем ты говоришь. Отчасти. Моя мама... – Я махнула рукой. – Не обращай внимания.

Он не сказал ни слова, лишь взглянул на меня. И в глазах его ясно читалось: «Мне ты можешь рассказать».

– Я просто хотела сказать, что родители Вайолет были лучшими друзьями, а теперь их брак разваливается. Она никогда не видела нормальных отношений. Как и Миллер. Да и я тоже.

– И я не видел, – признался Ронан.

– Значит, ты не пустое место, – проговорила я. – Мы все просто... ну, не знаю, бежим от сломанных браков.

– Сломанных, – повторил он, слегка скривив губы. – Да,

можно и так сказать.

Я подняла на него глаза. Разговаривать с Ронаном было все равно что тянуть за ниточку. Дернешь слишком сильно, и она порвется. Вопреки здравому смыслу я хотела узнать о нем больше. И понять, довелось ли ему в жизни испытать хоть что-то хорошее.

– Ты когда-нибудь видел родителей счастливыми? – мягко спросила я.

– До того, как они умерли? – Его рука под моей ладонью напряглась, а взгляд серых глаз вновь стал жестким и безжизненным. – Нет. Никогда.

– Прости. Это не мое дело. – Я взглянула на его перевязанную руку. – И я здесь уже закончила.

Но он не двинулся с места, как и я. Моя ладонь по-прежнему касалась его предплечья, и он не сводил с нее взгляда. Я бездумно повернула его руку, открывая татуировку с пронзенной кинжалом ладонью.

– «Руки помнят», – прочитала я. – Что это значит?

– Это часть цитаты, – пояснил он. – «Руки помнят то, что забывает разум». То есть когда случается нечто дерьмовое, мы стремимся это забыть. Двигаться дальше. Но не можем. Оно проникает в нас до самых клеток. Просачивается в кровь.

Я все еще держала его руку.

– Насколько дерьмовое?

«Что случилось с твоими родителями, Ронан?»

Наши взгляды встретились, и на несколько секунд я потерялась в глубине его глаз. Из них ушли безжизненность и жесткость, и теперь они походили на глубокие колодцы, затуманенные воспоминаниями. И пронзали не хуже кинжала.

Ронан не двигался, но, казалось, все сильнее впитывал мои прикосновения. Взгляд его прояснился. Парень пристально уставился на меня, разглядывая лицо, подбородок, рот...

А потом он моргнул, словно вышедший из транса человек. Нить оборвалась. Он отдернул руку и встал.

– Не бери в голову.

Слегка ошеломленная, я наблюдала, как он поднял грабли и принялся грести уже расчищенный участок земли.

– Мне не следовало приходить, – через минуту проговорил он, стоя ко мне спиной.

– Почему? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно, и принялась собирать со стола средства первой помощи.

– Пока не привезут стройматериалы, я больше ничего не смогу сделать.

– А когда они придут, сколько времени займет постройка?

– Несколько дней.

«Несколько дней, и он закончит работу».

– Их должны доставить завтра утром.

– Тогда я вернусь завтра.

– Конечно, – натянута проговорила я. – Как хочешь.

Изнутри донесся грохот. Ронан резко обернулся, и мы широко раскрытыми глазами уставились друг на друга. Он бросил грабли на землю, у меня из рук выпали лечебные средства. И мы бросились в дом.

– Биби? – крикнула я, сердце билось где-то в горле.

– Я здесь, милая. Черт возьми, я такая растяпа.

Биби крепко держалась за кухонную столешницу. У ее ног лежал разбитый керамический чайник. Я бросилась к ней.

– Ты в порядке? Что случилось?

– Все хорошо, – чуть улыбнувшись, проговорила она. – Это пустяк. Просто немного закружилась голова.

– Давай-ка присядь. – Я мягко обняла ее, бросив на Ронана встревоженный взгляд. На его лице застыло хмурое беспокойство.

– Ничего страшного, – принялась убеждать Биби, когда я подвела ее к дивану. – В моем возрасте вещи просто валяются из рук, милая. Глаза уже не те, что раньше. Я просто не рассчитала расстояние до столешницы, и чайник упал. – Она покачала головой. – Жаль. Мне нравился этот чайник.

– Ты сказала, у тебя закружилась голова.

– Мне восемьдесят лет! Такое случается.

Мы с Ронаном вновь обменялись взглядами.

– Где веник? – спросил он; его надежное присутствие помогало мне успокоиться.

– За кухонной дверью.

Биби нахмурилась.

– Ронан здесь? Боже, теперь мне еще более неловко. Я не заметила тебя, милый.

– Все в порядке, – проговорил Ронан и направился за венником.

Биби наклонилась ко мне.

– Он хороший мальчик, правда?

«Он упрямый и приводит меня в смятение...»

– Да, – согласилась я. – Он хороший парень.

Он вернулся через несколько минут.

– Готово. Вам что-нибудь еще нужно?

– Ничего.

– Тогда я пойду. Я сказал Шайло, что, пока не приедут стройматериалы, для меня здесь не осталось работы.

– Понятно, – проговорила Биби. – Но я испекла свежее печенье, и на этот раз настаиваю, чтобы ты взял немного с собой.

– Мисс Баррера...

– Я настаиваю.

Я взглянула на Ронана, выгнув бровь.

– Она настаивает.

Не сводя с меня взгляда, он прищурился, и я усмехнулась. Напряжение между нами ослабло.

– У тостера есть бумажные пакеты, – прокричала Биби, когда он вновь направился в кухню. – Наполни один. Или два. Ты взрослый мальчик. Тебе нужны силы.

– Биби, – прошипела я, ощутив, как вспыхнули щеки.

– Но ведь это же правда.

Ронан вернулся, держа в руках пакет, в котором, судя по виду, было всего несколько печений.

– Спасибо за угощение. С вами все будет в порядке?

– Это ты мне? – спросила Биби. – Боже, ты просто ангел. Со мной все хорошо.

Ронан посмотрел на меня, и в глазах его читался тот же вопрос.

Я кивнула.

– Спасибо.

– До свидания, милый.

Ронан что-то пробормотал, вероятно, попрощался, а потом повернулся и вышел.

– Он ведь взял мало печенья, верно? – Биби вздохнула, услышав, как закрылась входная дверь. Она покачала головой. – Я уже встречала таких, как он.

– Таких, как он?

«Пожалуйста, скажи мне, какой он. Поясни, что думать о Ронане Венце».

– Он из тех, кто дает, но ненавидит брать.

– Похоже на правду. – Я взяла Биби за руку. – Ты уверена, что с тобой все хорошо?

– Все в порядке, малышка. – Она погладила меня по щеке. – На самом деле я умираю с голоду. Может, закажем пиццу?

– Звучит неплохо. Что скажешь насчет фильма?

– А как же твоя работа в гараже?

– Сегодня вечером у меня выходной.

У меня были интернет-заказы, за которые стоило бы взяться. Но сегодня вечером я ни за что не оставлю Биби одну. Даже на секунду.

– Ну и ну, – проговорила Биби. – Моей голове следует кружиться почаще.

– Нет, не следует, – проговорила я, ощутив дрожь. – Я не разрешаю. Никогда.

– Я старею, Шайло. Мне никогда не хотелось быть для тебя обузой, но...

– Ты не обуза, – решительно проговорила я. – И никогда ею не станешь. Ты приютила меня, Биби. И обуза здесь только я.

– Не думай так, Шайло. Никогда. Я бы сотню раз сделала это снова. – Тон ее смягчился. – Но никому не дано знать, сколько нам отпущено, милая. И мы можем лишь по полной использовать отведенное нам время. Я дорожу каждой минутой рядом с тобой.

На глаза навернулись горячие слезы, но я сморгнула их.

– Я тоже, Биби. Каждой минутой.

Биби погладила меня по щеке, затем широко улыбнулась.

– Что скажешь насчет «Мадеи»¹⁰?

---

¹⁰ Мейбл «Мадея» Эрлин Симмонс – персонаж, созданный и изображаемый Тайлером Перри. Он выступает в роли дерзкой, пожилой афроамериканки.

– Опять? – Я фыркнула от смеха. – Какую часть?

– Первую, конечно.

– Ты смотрела ее сто раз.

– Значит, она и в самом деле потрясающая.

– Не могу не согласиться.

Хотя, в любом случае, я бы не сказала ей «нет».

Я заказала пиццу и свернулась на диване рядом с Биби. Я то и дело отрывала взгляд от фильма и посматривала на дверь, через которую ушел Ронан, забрав с собой и присущую ему спокойную силу. Пока Биби хихикала над нелепыми выходками Тайлера Перри, я старалась не думать о том времени, когда этот смех умолкнет навсегда. Боль разорвала бы меня на тысячу кусочков.

И некому было бы собрать меня воедино. Я осталась бы одна.

Глава 6

Ронан

В субботу днем мы с Миллером несли от ближайшей стоянки высокое кресло с подголовником. Мы выбрали самую короткую тропинку к пляжу, и весь путь до Хижины тащили его по валунам, обливаясь потом под палящим солнцем.

Его же светлость даже не вспотел. Он всю дорогу указывал нам направление и давал советы. Когда мы добрались, Холден втиснул кресло в маленькую Хижину и с ухмылкой уселся на него.

– Идеально, верно?

Вообще-то ничуть. Для начала, оно было чертовски большим. Однако с тех пор, как на прошлой неделе мы привели Холдена в Хижину, он, не теряя времени даром, принялся ее обновлять. Он притащил мини-холодильник и генератор для его работы. Внутри хранилось мое пиво и водка Холдена. Но я знал, что парень купил холодильник для перекусов и соков Миллера, позволяющих поддерживать на должном уровне уровень сахара в крови.

Холден также привез довольно большой чемодан для хранения гитары Миллера, чтобы парню не пришлось повсюду таскать ее с собой.

И что по сравнению со всем этим значило кресло?

Похоже, в голове Миллера пронеслись те же самые мысли, и он благодарно улыбнулся Холдену.

– Кресло не так уж плохо. – Он закинул на плечо рюкзак, собираясь на работу, в галерею на Набережной. – Я заканчиваю в десять.

– Мы тебя встретим, – проговорил Холден, и я кивнул.

Частенько по вечерам мы втроем гуляли по Набережной, ловя взгляды и шепотки учеников Центральной старшей школы. Но мы не парились на этот счет. С той вечеринки у Ченса Холден стал одним из нас, и теперь наша странная группа казалась полной.

Тем вечером у костра он немного рассказал нам о своем прошлом. О некоем «лагере в дикой местности», на Аляс-

ке, куда родители отправили его в пятнадцать лет. Чем бы ни был этот лагерь, он сильно подействовал на парня. Жестко. Холден провел целый год в каком-то модном санатории в Швейцарии, чтобы прийти в себя, но последствия никуда не делись. Независимо от погоды он носил пальто, шарфы и свитера. Словно случившееся с ним врезалось в плоть, заставляя постоянно мерзнуть.

И я старался поддерживать для него большой костер.

Сегодня он уселся в один из трех шезлонгов, стоявших вокруг костровой ямы, пока я собирал дрова.

– А что насчет тебя? – спросил он, когда Миллер ушел. – Ты работаешь?

– Перебиваюсь случайными заработками.

– Значит, ты фрилансер.

– Точно.

– И живешь со своим дядей?

Я не смотрел на него, уделив все внимание огню.

– Я же вот почему спрашиваю, – продолжил Холден. – Прежде я тоже жил с родителями, а теперь переехал к тете и дяде. Мы похожи.

Мне хотелось расхохотаться. Холден был миллиардером, чей IQ перевалил за сто пятьдесят, а одежда стоила больше, чем мое имущество, приобретенное за всю жизнь. Более разных людей и представить сложно... Но я вдруг вспомнил, как он обнажил грудь перед Фрэнки, призывая того бить прямо в сердце.

– В Висконсине случилось кое-что дерьмовое, – проговорил я. – Мне пришлось оттуда выбираться.

Холден задумчиво кивнул и поднес ко рту фляжку с водкой, которую всюду таскал с собой. Костяшки пальцев на его левой руке скрывались под белыми бинтами. Я тут же непроизвольно коснулся пальцами пореза на предплечье, который промыла Шайло. Она хорошо потрудилась, и рана быстро заживала. Я надеялся, что мне в напоминание останется шрам. Не о том, что Фрэнки меня порезал, но что Шайло помогла мне восстановиться.

– Что случилось? – присаживаясь, спросил я и кивнул на руку Холдена.

– Ах, ты об этом? – Он пошевелил поврежденными пальцами. – Или ты спрашиваешь, почему сегодня подходящий день для водки?

– У тебя, кажется, каждый день подходит для водки.

Наряду с холодом, который мучил Холдена в двадцатичетырехградусную жару, у него, похоже, имелись весьма серьезные проблемы с алкоголем.

– Сегодня выдался особенный денек. – Он неуверенно посмотрел на меня. – Ты хочешь об этом узнать?

– Если пожелаешь рассказать.

Он взглянул на океан, который обрушивался на берег метрах в восемнадцати от нас.

– Алкоголь помогает мне согреться, потому что Аляска кое-что отняла у меня. А взамен оставила ночные кошмары,

воспоминания, дабы я не забыл, что уже никогда не смогу это вернуть.

– Лагерь?

Он кивнул.

– Он чертовски сильно повлиял на меня, а я и с самого начала был не совсем цельным. Нас набралось семеро. Нас ломали, пока не довели практически до смерти. Или желания умереть. – Я слушал, стиснув зубы. – Так или иначе, вот почему большинство дней годится для водки. И я порой луплю кулаком по зеркалу в ванной. – Он кашлянул. – Или призываю пырнуть меня в грудь на вечеринке.

Он снова взглянул на меня, в глазах его читалось сомнение. Когда я рассказывал Миллеру свою историю, то чувствовал то же самое. Холден будто бы боялся, что я выгоню его из нашей группы. А у меня не находилось слов, способных объяснить ему, что этого никогда не случится.

«Но я мог бы дать ему что-нибудь взамен».

– Я не живу с родителями, потому что они умерли.

Холден, уже собравшийся отхлебнуть из фляжки, уронил руку на колени.

– Что случилось?

Я ему рассказал. И хотя не стал вдаваться в подробности, Холден слушал, почти не двигаясь.

– Я был в полном смятении, – проговорил я, глядя в огонь. – Мне пришлось заново пойти в четвертый класс и десять лет жить в приемных семьях. В конце концов соци-

альные службы разыскали брата моего отца. Поэтому я оказался здесь.

Холден помолчал с минуту, а затем сказал:

– Жаль, что так случилось с твоей матерью, Ронан.

Я кивнул. Какое-то время мы почти не разговаривали, лишь смотрели на садившееся за океан солнце.

– Ну, разве мы не замечательная пара, – наконец проговорил Холден; как раз вовремя, пока молчание не стало слишком давящим. – Расскажи, что хорошего случилось с тобой сегодня, Венц. Хоть что-нибудь. Пока я не бросился в океан.

«Случилась Шайло Баррера».

Я кинул камешек в огонь.

«Завязывай с этим».

Невозможно. Я помнил каждое чертово слово нашего разговора. Я беседовал с ней дольше, чем с кем-либо еще за последние годы. Я вспоминал каждый взгляд скользивших по мне карих глаз. И каждое ее прикосновение. Ощущал на коже ее нежные пальцы и жжение алкоголя, когда она промывала мне рану. Мягкость и резкость в одно и то же время, подобно самой Шайло...

Она стала чем-то хорошим, но, чтобы так было и впредь, я должен оставить ее в покое.

– Меня не отстранили, – наконец проговорил я.

– Эй, так держать! Уже два дня.

Холден протянул неповрежденную руку, чтобы «дать пять». Я ненавидел этот жест. Я сильно шлепнул его по ла-

дони, и он зашипел от боли, а потом рассмеялся.

– Полегче, тигр.

– Твоя очередь. Что-нибудь хорошее.

– Хм-м, не знаю насчет хорошего... Скорее это безнадежно и обречено на неудачу, но... – Он делано вздохнул. – Есть один парень.

– Ладно.

– Не могу сказать кто, так что не спрашивай.

– Я и не собирался.

– Ну конечно нет. Это одна из твоих самых милых черт характера. Как бы то ни было, есть парень, а мне вовсе не хочется, чтобы он был. По крайней мере, не такой, чтобы мне... Ну ты понял.

– Позаботиться?

– Именно. Я не могу ни о ком заботиться. Для меня плохо, для остальных – еще хуже. – Он покачал головой, наблюдая, как огонь боролся с налетевшим ветерком. – Это глупо. И слишком скоро. Я приехал сюда не для того, чтобы все мои мысли тут же занял тот, кого знаю всего несколько дней. – Заметив, как я удивленно раскрыл глаза, он рассмеялся. – Нет, это не Миллер. И, как ни жаль мне разбивать тебе сердце, ты тут тоже ни при чем.

– Так в чем же проблема?

– А в том, что парень, о котором идет речь, мягко говоря, не в моем вкусе. Типичный пай-мальчик. Дружелюбный, sentimentalный, и все его любят. Он – человеческий экви-

валент поджаренного сэндвича с сыром.

– И что?

– И что? В этом просто нет смысла. Но я постоянно думаю о нем и чувствую себя виноватым, потому что... Возможно, я сказал то, чего не следовало.

– Я поражен, – проговорил я, разглядывая бутылку с пивом. Несмотря на весь ум, Холден просто болтал, что думал.

– Ой, заткнись, – пробормотал он. – Но да, я встряхнул кое-какое дерьмо, хотя мне вовсе не следовало туда лезть. Я даже дал ему свой номер на случай, если он захочет поговорить. Со мной. Будто бы я и в самом деле могу как-то помочь. – Он фыркнул от смеха. – Это невозможно.

– Почему?

– Я не совсем уверен, что мы с ним на одной волне, если понимаешь, о чем я. Мне нужно отстать от него. Оставить в покое.

Я закатил глаза и швырнул камешек в огонь.

«И вот опять то же самое».

Оба моих друга упрямо стремились быть несчастными, вместо того чтобы отстаивать свои желания.

Холден распознал мой хмурый взгляд.

– Ты не согласен?

– Если он тебя волнует...

– Давай не будем так далеко заходить.

– ... тогда скажи ему.

– Это будет сложновато, потому что он недвусмысленно

попросил меня никогда больше с ним не заговаривать. Со мной его ни ждет ничего хорошего. — Он прищурился, глядя на меня.

Мы немного помолчали, а потом Холден, глотнув из своей фляжки, слегка вздрогнул. Я полил на тлеющие угли жидкости для розжига, и вскоре костер вспыхнул, создавая завесу света и тепла.

— Именно это отобрали у тебя на Аляске?

Холден резко повернул ко мне голову.

— Что?..

— Ты сказал, что с тобой этого парня не ждет ничего хорошего, — напомнил я. — Этому тебя учили? Что ты ни на что не годен?

— Да, — медленно проговорил он. — Но началось все раньше, с моих родителей. И это сложнее...

— Все это просто чушь, — выпалил я. — Кто бы ни заставил тебя так думать. И неважно, когда все началось. Это чушь собачья.

Я допил пиво и направился к Хижине, чтобы взять еще две бутылки. И встал над Холденом, предлагая одну. Он взглянул на меня с благодарностью в глазах и взял пиво. Фляжку он убрал в карман пальто.

Мы пили пиво, а солнце садилось все ниже. Холден вдруг повернулся ко мне, голос его прозвучал мягче, чем когда-либо:

— На что это походило? Увидеть нечто такое... что дове-

лось тебе?

Мое тело тут же напряглось.

– А как ты, черт возьми, думаешь, на что это походило?

– Понятия не имею, – проговорил Холден. – Честно говоря, я даже не могу себе это представить. Я, конечно, терпеть не могу своих родителей, разумных-вирусов-в-челове-
чем-обличье, но оказаться свидетелем подобного... – Он пожал плечами. – Полагаю, на самом деле мне хочется знать, все ли с тобой в порядке? – Я сердито взглянул на него, и он поднял руки перед грудью. – Не откусывай мне голову. Это закономерный вопрос.

Я не сводил с него взгляда, но защитная злость растаяла, стоило лишь осознать, что никто, кроме социального работника, никогда не спрашивал меня о родителях. Она говорила мне то, на что остальные просто не осмеливались, опасаясь, как бы подобные разговоры не напомнили о смерти матери. Как будто без их слов я смог бы об этом забыть. И не носил происшедшее в себе ежедневно, ежечасно.

Или каждую ночь не видел вновь в своих кошмарах.

Я чуть не велел Холдену отвалить, но никто также не спрашивал меня, все ли со мной в порядке.

– Я не знаю, – сказал я огню. – Полагаю, я стараюсь как могу. И больше не хочу об этом говорить.

На губах Холдена появилась улыбка, необычная, мягкая, без острых уголков.

– Достаточно честно. Давай сменим тему на нечто менее

тревожное и болезненное.

– Например?

– Девчонки. Конечно, не моя любимая тема. Но я признался тебе в гнетущем состоянии своей личной жизни. И если тоже хочешь излить душу, я весь внимание.

В сознании тут же всплыло идеальное лицо Шайло с гладкой кожей и полными губами. Я вспомнил светившийся в ее глазах ум, когда она обращала все внимание на решение какой-либо стоявшей перед ней задачи. Например, латала преступника вроде меня. Это уже стало школьной сплетней. Миллер считался изгоем, Холден – вампиром, а мне досталась роль бывшего заключенного, притворявшегося учеником старшей школы.

В каком-то смысле они были правы. Преступление отца запятнало и меня. Даже просто находиться в доме Биби или сидеть в патио вместе с Шайло казалось неправильным. Хорошим, но неправильным. Как будто я ворвался в их идеальную жизнь и оставил повсюду кровавые отпечатки. Но когда я пытался сдерживаться и спокойно работать, Шайло отвлекала меня. И пока она находилась рядом, мне даже не хотелось двигаться.

Холден ждал ответа.

«Есть девушка, а мне вовсе не хочется, чтобы она была».

– Не-а, – проговорил я, опрокидывая в себя пиво. – Никого нет.

В десять мы с Холденом встретили Миллера у галереи. Он закончил смену, и мы пошли по Набережной, остановившись, чтобы перекусить пиццей и сыграть в несколько карнавальных игр. После этого я направился домой.

Я повсюду ходил пешком. К счастью, школа, Хижина, дом Шайло и моя квартира располагались достаточно близко друг к другу, так что я обходился без машины. Но она бы чертовски помогла.

Я поднялся по наружной цементной лестнице к угловой квартире и потянулся за ключами. Но при первом же прикосновении дверь распахнулась, обнажая клин черноты, темной и глубокой.

– Нельсон? – спросил я, сунув руку в карман куртки за электрошокером, который я умыкнул у Фрэнки. – Ты здесь?

Я потянулся вправо, ощупывая стену в поисках выключателя, и ощутил нечто. Его. Кто-то ждал...

Тьма вдруг ожила, обрела дыхание и задвигалась. Я сделал выпад наугад, и что-то тяжелое ударило меня по запястью. Электрошокер заскользил по кухонному линолеуму. Большие руки сдавили мне шею и плечи, и когда чье-то колено вонзилось в живот, внутри, словно пушечное ядро, взорвалась боль. Еще одним ударом из темноты мне рассекло губу, а потом меня швырнули на пол.

Я все еще пытался прийти в себя, когда зажегся свет.

Надо мной навис огромный мужик, прижимавшийся спиной к сломанной двери. Средних лет, в спортивных штанах, обтянувшей тело футболке и синей ветровке. Его рыжеватые волосы на макушке поредели, на покрасневшем лице выделялись бледно-голубые глаза.

Я вскочил на ноги, ярость заслонила потрясение и боль.

– Хочешь попытаться еще раз? – прорычал я. – Теперь при свете?

– На твоём месте я бы не стал, – предупредил мужик, когда я сделал шаг к нему. Он сдвинул в сторону полу синей ветровки, обнажая пристегнутый к поясу пистолет в кобуре. От его улыбки по спине пробежала дрожь. Такая же нездоровая ухмылка появлялась на губах отца, когда он сообщал, что у мамы «неприятности».

– Ронан Венц, верно? – спросил мужик. – Меня зовут Митч. Но ты можешь называть меня офицер Дауд.

Митч Дауд. Он казался совершенно спокойным и говорил небрежным тоном, но я чувствовал в нём напряжённую готовность. Он ждал, что я стану делать дальше.

– Я мог бы арестовать тебя, ведь ты сломал нос моему сыну. Но я предпочитаю решить это лично.

– Да пошел ты. – Я сплюнул красный комок на ковер у его ног. – И он тоже.

Митч усмехнулся, хотя взгляд его стал более льстивым.

– Я читал твоё досье, Венц. Ты преступник. Выродок, как и твой отец. – Взгляд его упал на лежащий в нескольких ша-

гах электрошокер. — Еще и вор, крадущий собственность полиции. Полагаю, это мое, сынок.

Боже, он говорил как мой отец.

— Я хочу, чтобы ты поднял его и отдал мне. Не торопясь. Медленно.

Он опустил ладонь на рукоять пистолета, а другую руку протянул вперед, ожидая. Я поднял электрошокер с кухонного пола и пересек разделявшее нас с Митчем небольшое пространство. Наши взгляды встретились. Все мышцы в теле напряглись, готовые прийти в движение. Но по нервам, словно электрический ток, пронеслось что-то еще кроме адреналина.

Страх.

Внешне он вовсе не походил на отца, и все же столь поразительное сходство заставило меня перенестись в другое время. У меня перехватило дыхание. Во рту пересохло. Я положил электрошокер на его левую ладонь. Но едва тот коснулся кожи, синева куртки Митча расплылась. Он ударил меня кулаком прямо в глаз. Это стоило предвидеть.

В голове зазвенело, но я лишь фыркнул и, выбросив правую руку вперед, ударил его в челюсть. Кого-то другого это свалило бы с ног, но Митч даже не вздрогнул. Я заехал ему по почке, потом в живот. А после он швырнул меня через комнату. Я врезался плечом в дешевый деревянный кофейный столик, который рассыпался подо мной грудой щепок.

С довольной улыбкой Митч провел большим пальцем воз-

ле губ, стирая струйку крови.

– Это предупреждение, Венц, – проговорил он, направляясь к двери. – Единственное.

Он вышел, а я с минуту лежал на обломках стола, чувствуя себя пьяным от боли и кровавых воспоминаний.

Но постепенно в голове прояснилось, и я поднялся на ноги как раз в тот момент, когда соседка снизу, Марианн Грир, просунула в дверь голову.

– Ронан?.. Боже мой...

Я отмахнулся от нее, но было уже слишком поздно. Она ворвалась внутрь и мягко, но твердо придерживая меня, повела к кухонному столу.

– Что случилось, черт возьми? Я услышала грохот и заметила, как отсюда вышел мужчина. Настоящий громила.

– Ничего страшного, – проговорил я, сгорбившись на стуле, и прикрыл рукой уже заплывший глаз. – Тебе лучше уйти.

«Если он вернется...»

– Уйти? – Марианн стояла надо мной, изучающе разглядывая голубыми глазами. На ней были джинсы и старая толстовка, темно-русые волосы собраны в небрежный хвост. – Еще чего. Я звоню в полицию.

– Он сам из полиции.

Она осторожно отвела мою руку от глаза.

– Господи Иисусе, что случилось? Только не говори, что ничего.

– Все уже закончилось. Он пришел поквитаться. Вот и все.

– Ты чем-то не угодил копам? – Марианн заглянула в морозилку и, заметив, что она пуста, залезла в холодильник. – У тебя нет льда. И почти никакой еды.

– Я в порядке.

– Как же. Оставайся здесь, – проговорила она, направляясь к двери. – Даже не двигайся.

– Марианн...

Но она уже ушла.

Вспыхнувшая во мне злость требовала борьбы, честной драки, но ее поглотил стыд. Всю мою квартиру освещала единственная тусклая лампочка. Кофейный столик превратился в груды деревянных обломков. На ковре виднелось кровавое пятно.

«Прости, мам. Я пытаюсь».

Марианн вернулась с пакетом замороженного горошка. Вместо того чтобы отдать его мне, она подошла ближе и прижала пакет к моему глазу, другой рукой мягко придерживая за затылок. Какое-то время я просто сидел рядом с Марианн и ее горошком, ощущая, как ее беспокойство и забота накрывали меня теплыми, материнскими волнами. От нее пахло лимонным средством для мытья посуды.

Я закрыл глаза и на минуту позволил себе в этом раствориться, а потом, напрягшись, оттолкнул ее.

– Я понял, спасибо. – Я взял пакет и приложил его к глазу. – Можешь идти.

Поджав губы, Марианн опустилась на стул напротив меня

и положила руки на кухонный столик, словно сообщая: «Я никуда не уйду».

– Ты ведь еще юный, верно? – спросила она. – Ты ходишь в старшую школу?

– Когда могу туда добраться.

– А кто о тебе заботится? Точно не твой дядя, – мрачно проговорила она. – Его даже не волнует... – Она резко замолчала, в глазах появилось беспокойство. – Я не хотела проявить неуважение.

– Все в порядке. Он просто засранец.

– Что я могу сделать? – спросила она. – Потому что это, – она указала на разбитый стол, – ненормально.

Я знал, что Марианн Грир в поте лица трудилась в бухгалтерской фирме и брала онлайн-уроки, чтобы получить степень. Найти приличную работу и улучшить жизнь своих девочек. В каждой черточке ее лица сквозила усталость, и от этого она выглядела старше.

– Мне ничего не нужно.

«Я у тебя ничего не возьму».

– Я не согласна. Ронан, я...

– Мамочка?

На пороге, заглядывая внутрь, появились Лилиан и Камилла, ее шестилетние близняшки, сонные и любопытные.

– Я же велела вам оставаться в кровати, – проговорила Марианн.

– Мы не смогли заснуть, – произнесла одна малышка.

– Да, здесь наверху было громко, – добавила другая.

Светловолосые и голубоглазые, как Марианн, обе были одеты в маленькие ночные сорочки с бабочками и инициалами «К» или «Л». Они взглянули на меня, а затем, широко раскрыв глаза, уставились на разбитый стол.

– Им не стоит это видеть, – тихо сказал я Марианн.

– Согласна. Но это еще не конец, – проговорила она и поднялась на ноги. – Девочки...

Слишком поздно. Близнецы уже ворвались в квартиру и окружили меня. Их живость заполнила мою маленькую темную комнату и сделала ее светлее.

– Ты в порядке?

– Почему у тебя на лице горох? Глаз под ним совсем страшный?

Одна из девочек заглянула мне в рукав футболки.

– У тебя сова на плече! Фу, еще один мерзкий синяк...

– Ты побывал в драке? Поэтому?

– Ронан занимался... борьбой, – проговорила Марианн.

Мгновенно лица девочек просветлели, и они обменялись взволнованными взглядами.

– Правда?

– Не может быть!

Марианн наклонилась ко мне.

– Они любят женскую борьбу. Просто подыграй.

– Да, я занимался борьбой, – проговорил я. – Тренировался перед соревнованиями.

– Это так здорово!

– Ты делал бросок с падением через голову? Это мой любимый.

– А мне нравится, когда отталкиваются от канатов. – Лириан, нахмурившись, огляделась вокруг. – Я не вижу никаких канатов...

Марианн подняла руки.

– Ладно, Ками. Лили. Давайте оставим Ронана в покое. Возвращайтесь в кровать.

Обе разочарованно поникли. И я тоже. Немного.

На кухонной столешнице все еще лежал нетронутый пакет с печеньем Биби, которое я взял на днях.

– Вы любите шоколадное печенье?

Их маленькие личики снова просветлели, а Марианн ода-рила меня взглядом, в котором ясно читалось: «Даже не смей». Я сделал вид, что не заметил.

– Его испекла одна леди, – проговорил я и, не отрывая горошка от глаза, ухватил пакет с печеньем. – Бабушка, так что оно очень вкусное.

Я протянул пакет Ками, которая тут же вытащила печенье, отдала своей сестре, а затем взяла одно для себя.

– Они выглядят такими вкусными! Можно, мамочка?

Марианн скрестила руки на груди и, печально глядя на меня, покачала головой.

– Я принес их с работы, – пояснил я. – Это хорошие люди. Она со вздохом смягчилась.

– Хорошо, но только по одной.

– Да-а!

– Что нужно сказать?

Маленькие девочки, бросившись ко мне, обняли меня за ушибленные ребра, хотя я этого почти не чувствовал. Я поднял руки, не осмеливаясь коснуться близняшек, и ждал, пока они меня отпустят.

– Спасибо, Ронан!

– Большое спасибо!

– Ладно, ладно. – Марианн повела их к двери, бросив на меня через плечо озадаченный взгляд. – Спускайтесь вниз, девочки. Я приду через минуту.

Она следила, как они спускались по ступенькам, а убедившись, что девочки благополучно добрались, повернулась ко мне.

– Ты им понравился, – проговорила она.

– Наверное, из-за борьбы.

– Или шоколада, – сухо улыбнувшись, произнесла она. – Ты уверен, что с тобой все будет в порядке?

– Все отлично. Клянусь, это уже закончилось, – проговорил я, а сам подумал, что произойдет, если Фрэнки решит проверить меня и снова пристанет к Миллеру. Или Холдену.

«Если он тронет хоть одного из них, я надеру ему задницу».

Но Митч Дауд уже однажды побывал здесь, слишком близко к Марианн и ее девочкам.

«Черт».

Марианн заметила мое мрачное выражение лица.

– Положи горошек в морозилку, а потом немного поспи. Завтра снова приложи его. У тебя есть какое-нибудь обезболивающее?

– Со мной все в порядке.

Она медленно кивнула, потом неохотно направилась к двери, будто бы не хотела оставлять меня одного.

– Спокойной ночи, Ронан.

– Ага.

Дверь за ней закрылась, но не захлопнулась. Запорный механизм был сломан. Должно быть, Дауд взломал его, чтобы открыть. Я бросил горошек в морозилку и, подтащив к двери один из дешевых кухонных стульев, втиснул его под ручку. После Лили и Ками тишина в квартире стала густой и тяжелой.

Я пошел в ванную и изучил повреждения. Губа оказалась разбита, но смотрелась вполне прилично. Однако правый глаз, синий и опухший, выглядел ужасно. На раздувшейся скуле виднелся небольшой порез; должно быть, он зацепил ее кольцом.

Я задрал футболку и глубоко вздохнул. На теле уже выступила россыпь синяков. Правое плечо, на которое пришелся основной удар о стол, одеревенело, а на коже под татуировкой совы появились кровоподтеки. Птица смотрела на меня в зеркало, словно спрашивая: «А чего ты ожидал?»

В таком виде я не мог пойти в школу. И, несмотря на то, что Шайло был нужен сарай, не стоило, черт возьми, появляться и у Баррера. Если глаз не придет в норму до понедельника, я подожду, а потом стану работать с удвоенной силой, чтобы закончить все побыстрее.

«И тогда ты больше не будешь маячить там, вмешиваясь в их жизнь».

Было еще рано, даже меньше часа ночи, но у меня одеревенело и болело все тело, так что речи о прогулке даже не шло. В любом случае, я ни на что не годился. Я лег спать, зная, что кошмары, окрасившись настоящей болью, станут еще хуже.

И не ошибся.

Глава 7

Шайло

Я оказалась права насчет Вайолет. Она не только попала в Свиту Осеннего бала, но и была провозглашена королевой, уведя корону прямо из-под носа Эвелин Гонсалес. Не то чтобы Вайолет к этому стремилась. Но ее неподдельное удивление и скромность понравились многим.

Чтобы поддержать ее, мы с Миллером в субботу отправились на футбольный матч и проводимый после него парад. Хотя, возможно, поддержка требовалась именно ему. Мы заняли места на алюминиевых трибунах и принялись на-

блюдать, как наши «Центральные» громят сокольских «Свя-
тых». Миллер хмурился каждый раз, как Ривер Уитмор де-
лал пас или проводил тачдаун.

Что случилось довольно часто.

Я то и дело отрывала взгляд от поля, рассматривая ли-
ца собравшихся на стадионе. Ронана не было в школе всю
последнюю неделю. И у меня дома он тоже не появлялся.
Биби сказала, он предупредил, что заболел. И пока шел фут-
больный матч, я поймала себя на мысли, что готова спросить
Миллера, все ли с Ронаном в порядке.

«Это ведь не запрещено».

Но слова застряли у меня в горле. Если я начну спраши-
вать о самочувствии Ронана, прилюдно произнесу это вслух,
то тревожные чувства и кружащие в голове беспокойные
мысли о нем наконец-то займут свое место.

И тогда мне придется с ними считаться.

После игры Вайолет и Ривер, так и не снявший форму,
уселись на заднее сиденье кабриолета, и парад выпускников
двинулся по дорожке. Одетая в черное Вайолет просто сия-
ла, и когда она махала собравшимся или обращалась к Риве-
ру, на лице ее светилась широкая улыбка.

Миллер перестал хмуриться и теперь казался просто пе-
чальным.

- Для чего ты так мучаешь себя? – мягко спросила я.
- Прости?
- Смотришь на нее с другим.

– Мне нужно убедиться, что ей с ним хорошо. Что он позаботится о ней. Или я натравлю на него Ронана.

Я ощутила, как по руке пробежала дрожь. Я прочистила горло:

– С Ривером проблем не будет. По крайней мере в этом. На лице Миллера появилось хмурое выражение.

– Кстати о Ривере... Ви упоминала, что мы с ней целовались?

Я изумленно открыла рот, и Миллер, заметив мою реакцию, быстро отвел взгляд.

– Полагаю, это значит «нет».

– В последнее время мы нечасто виделись. Но нет, она ни слова не сказала. – Я коснулась его руки. – Мне так жаль. Я всегда знала, что у вас все непросто.

– Не извиняйся. Все это лишь подтверждает то, в чем она много лет убеждала меня.

– Ты поэтому пригласил Эмбер на танцы? Чтоб и в самом деле со всем покончить?

На днях в школе Эмбер Блейк подскочила ко мне с горящими глазами и поведала, что Миллер пригласил ее на бал. На миг я подумала, что она шутит; я не могла представить, чтобы Миллер уделял внимание другой девушке. За все четыре года, с тех пор как он познакомился с Вайолет, подобного просто не случилось.

«Думаю, у каждого есть свой предел».

– Стоит попытаться, – проговорил Миллер. – Может, что-

то сложится с Эмбер. Вдруг если я дам ей шанс, то смогу двигаться дальше и стану Вайолет лишь другом, как ей того хочется.

– Ага. Но Эмбер – моя подруга. Реальная девушка из плоти и крови. Не надувная кукла, на которой можно выместить свое разочарование.

– Боже, я это понимаю.

Я вздохнула.

– Я знаю. Ты тоже хороший парень.

– Попробуй сказать об этом Ви.

– Она уже знает. Именно поэтому так сильно противится. В ее сознании все либо рассыпается на части, либо неизменно стоит на месте. Никогда не превращаясь в нечто прекрасное. – Я перевела взгляд на поле, но мысленно оказалась на заднем дворе. Я касалась руки Ронана, пальцем проводя линию от татуировки к запястью, где бился его пульс. – Она пытается удерживать вас с ней на месте, чтобы вы не рассыпались на части.

«И тогда она сама не развалится. И все останется по-прежнему. Не зайдет намного дальше. И ей не придется каждую свободную минуту гадать, все ли с тобой в порядке, и сходить с ума от беспокойства».

Я заставила себя встряхнуться. Не в моем характере быть слабовольной и переводить стрелки на других. Если я хотела прийти в себя, то и нужно оставаться собой. Я повернулась к Миллеру.

– Вы с Ронаном и Холденом теперь друзья, верно?

– Да, – рассеянно проговорил Миллер.

Я смахнула с широких льняных брюк невидимую пушинку.

– Ронан строил для меня сарай во дворе. Бабушка наняла его по объявлению.

– Правда?

– Да. Он не говорил об этом?

– Ни слова. Но это в его стиле.

Я кивнула и раздраженно смахнула с плеча горсть косичек.

– Ну, в последние несколько дней он не появлялся... и в школе тоже. Нас по истории ждет гигантская курсовая.

Миллер, оторвав взгляд от Вайолет, озабоченно сдвинул брови.

– До недавнего времени он и с нами не общался. А потом появился как-то вечером с синяками на руке и отличным фингалом под глазом.

Я широко распахнула глаза и вдруг ощутила, что сердце в груди стало вдвое тяжелее.

– Синяки? Откуда?

– Не знаю. Может, его дядя.

– Боже, ты так думаешь?

Миллер пожал плечами.

– Он не скажет.

– А ты его спрашивал?

– Конечно, – нахмурившись, проговорил он. – Мы с Холденом оба его спрашивали. Он велел нам отвалить. Таков уж Ронан. Если он не хочет говорить, то не станет. – Миллер пихнул меня локтем. – Эй. С ним все в порядке.

Я поняла, что закусила нижнюю губу.

– Хорошо. Ну... что?

– Просто на миг мне показалось, что ты беспокоишься.

Я села ровнее.

– Я же не совсем бессердечная.

На последнем слове голос дрогнул, но Миллер этого не заметил. Возобновив свое печальное бдение, он наблюдал, как Вайолет беседовала с Ривером. Парад закончился, и началась подготовка к танцам.

– Давай убраться отсюда, – проговорила я.

– Хорошая идея, – мрачно согласился он, и вместе с остальными учениками и их родителями мы спустились с трибун. – А что ты? Собираешься сегодня на танцы?

– Нет. Я получила несколько предложений, но... – Я пожала плечами. – Я люблю танцевать, но не на школьных дискотеках. Они довольно глупые.

Я, даже не задумываясь, придерживалась этой позиции уже несколько лет. Но теперь начала сомневаться во всем.

«Почему? В чем разница?»

В мои мысли попытался влезть Ронан, но я вытолкнула его. Это выпускной год. И танцев больше не будет. Это ностальгия, вот и все.

Миллер вздохнул.

– Холден и Ронан тоже меня бросили.

– Да? Они не пойдут? – Мой голос прозвучал на три октавы выше обычного.

Парень покачал головой.

– Ну, в случае с Ронаном все ясно. Ты можешь представить его на танцах?

Танцующим? Без шансов. Но то, как он притягивает к себе девушку, заключает ее в объятия, прижимает ближе...

«Боже, с этим нужно что-то делать».

– Но этот ублюдок Холден мог бы меня поддержать, – продолжил Миллер.

Мы дошли до парковки, и я похлопала его по руке:

– Прости, друг. Тебя подвезти? Так у тебя будет время подготовиться.

– Нет, спасибо, Шай. Мне нужно пройтись. Прояснить мысли.

Я быстро обняла его, и мы разошлись. Я больше не сказала ничего, что могло бы ему помочь или подбодрить. У меня просто не было слов.

Когда я вернулась домой, Биби в кухне готовила лимонад с мятой и базиликом.

– Привет, малышка. Как игра?

– Мы победили, – проговорила я и, чмокнув ее в щеку, подозрительно уставилась на лимонад. – Это для...

– Ронана. Наш мальчик уже чувствует себя намного луч-

ше.

Я подошла к кухонному окну. «Наш мальчик» находился на заднем дворе и до кончиков ногтей выглядел мужчиной. Он складывал в стопку листы фанеры из привезенной на днях партии стройматериалов. На нем, как обычно, были джинсы, ботинки и простая майка. Даже из кухни я видела темневшие на коже, под татуировкой совы, синяки. Еще один виднелся вокруг правого глаза.

Внутри, застав меня врасплох, жарко вспыхнул гнев.

– Я ему отнесу. – Я схватила стакан и направилась к выходу.

В патио я поставила стакан на стол и, приблизившись, встала прямо перед Ронаном. Вблизи синяк вокруг глаза казался зеленоватым, значит, ему уже несколько дней.

«И поначалу он выглядел намного хуже».

– Кто это сделал? – настойчиво проговорила я.

Взглянув на меня, Ронан нахмурился. Он явно расслышал в моем тоне волнение.

– Никто.

– Это Дауд, правда? Из-за Фрэнки?

– Не важно.

– Конечно, важно, – проговорила я и сама изумилась своим словам. – Это важно для меня.

Мы оба замерли. Устремленный на меня взгляд Ронана смягчился. Мы стояли так близко. Словно собирались танцевать или...

Я отступила назад и ощутила, как вспыхнули щеки.

– Я хочу сказать... это неправильно. Сначала твоя рука, а теперь это.

– Забудь.

– Я не хочу забывать. Я хочу привлечь его к ответственности.

– Нет.

– Ронан...

– Все закончилось, Шайло, – резко произнес он, хотя во взгляде серых глаз читалась не злость, а скорее печаль. – Я не хочу об этом говорить. И даже думать не желаю, черт возьми. Просто... забудь об этом.

– Но...

Но не осталось никаких «но». Ронан закрылся от меня, отвернулся и продолжил работу над моим сараем. А я, как идиотка, осталась стоять посреди двора, глядя на него широко раскрытыми глазами. Развернувшись на каблуках, я зашагала обратно в дом.

– Шайло, что случилось? – спросила Биби.

«Все. Потому что все не так, как должно быть».

Я втянула в себя воздух.

– Ничего. Все в порядке.

– Хм-м, – протянула Биби, вытирая тряпкой столешницу. – Ты уверена?

Вероятно, Биби не заметила синяков Ронана, и мне не хотелось ее беспокоить.

– Да, прости. Но сегодня выдался странный день. – Я выдавила из себя улыбку и постаралась добавить в голос немного веселья. – Я пойду в гараж. Зови, если что-то понадобится.

В списке «того, что я никогда не делаю» ложь Биби занимала первое место. Так же, как и потеря контроля. Я уселась за тускло освещенный стол и сосредоточилась на работе. Переключив внимание, мне удалось успокоить учащенно бьющееся сердце. Сначала дело продвигалось медленно, но потом в мыслях всплыл образ матери, сидевшей на кухне тети Берти. Она курила, склонившись над кроссвордом, и не обращала на меня внимания.

После этого работа пошла быстрее.

Когда я закончила, под дверь гаража уже вползли желтые сумерки. Должно быть, все в школе готовятся к Осеннему балу, фотографируются и садятся ужинать. А я закончила браслет для будущего магазина. Хоть какое-то достижение.

Я ждала и надеялась, что Ронан давно ушел, но он по-прежнему работал у нас во дворе. Он заложил основание сарая и теперь вбивал в угол гвоздь. Из рта у него торчало еще несколько. Он сосредоточенно хмурил густые брови. Мышцы рук напрягались с каждым ударом молотка.

Я быстро развернулась и, войдя в дом, села рядом с Биби, которая слушала по телевизору «Закон и порядок» и вязала. Кошки, Люси и Этель, словно подушки, растянулись на спинке дивана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.